

Авантюрная мелодрама

Литом
ЛЕОНТЬЕВ

**ДВОРЕЦ, ГДЕ
РАЗБИВАЮТСЯ СЕРДЦА**

АНТОН ЛЕОНТЬЕВ

Дворец, где разбиваются сердца

«ЭКСМО»

2005

Леонтьев А. В.

Дворец, где разбиваются сердца / А. В. Леонтьев — «Эксмо»,
2005

В монастыре Непорочного Зачатия творилось что-то жуткое и непонятное. Убийства монахинь, исчезновения святынь... Комиссары полиции Эльке и Николетта никак не могли понять, что происходит в этом заштатном городишке. Пока не обнаружили разрытую могилу ювелира Альваро Мендозы и не нашли его письмо потомкам. Следы уводили в XIX век, в блистательные и грозные времена правления императора Сильвио Первого... Во время бунта Сильвио поручил Мендозе спрятать императорские сокровища. Ювелир надеялся, что их найдет его племянница Каролина, мать принца, наследника Сильвио, но следы ее потерялись в вихре смутных времен. Мендоза оставил в своем письме только шараду, с помощью которой можно отыскать дорогу к кладу. А чтобы ее разгадать, нужны монастырские святыни. И вот теперь, спустя полтора столетия, кто-то начал на них охоту...

© Леонтьев А. В., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Антон Валерьевич Леонтьев	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Антон Валерьевич Леонтьев

Дворец, где разбиваются сердца

Сестра Фернанда прислушалась. Ей показалось или в капелле, где она коленопреклоненно просила у Пречистой Девы совета, что же делать с тайной, которую она узнала, кто-то затаился?

Монахиня всмотрелась близорукими глазами в темноту капеллы, озаряемую только бликами свечей. Да нет, это все мираж...

Было около двух часов ночи. Монастырь Непорочного Зачатия мирно спал. И только сестра Фернанда никак не могла найти покоя. Так что же делать? Старинный манускрипт, который она обнаружила на днях в монастырской библиотеке, содержал в себе секреты позапрошлого столетия. Но многие охотно полжизни отдадут, чтобы заполучить его! И эта тайна была такой ошеломляющей, такой сногшибательной, такой сенсационной...

Сестра Фернанда, по-старчески кряхтя, поднялась с колен. Хрустальная статуя Девы Марии скорбно улыбалась, и по щеке ее стекала прозрачная слеза. Вот оно, чудо! Она расскажет обо всем матери-настоятельнице, аббатиса знает, что делать с тайной!

Монахиня миновала алтарь, на котором сияла золотая дароносица, украшенная отборными самоцветами, вышла на воздух.

Ночь была обсидианово-черной, беззвездной, с востока дул резкий ветер. Сестра Фернанда поежилась.

Очки! Ну да, ее очки! Она оставила их у подножия ниши с хрустальной Богоматерью. Где-то вдали раздался стон, переходящий в низкие, утробные рыдания. Призрак Плачущей Долорес в последнее время что-то разошелся. И сестра Агнесса, славящаяся своими предсказаниями, пророчит смерть и несчастья!

Сестра Фернанда вернулась в капеллу. Очки она обнаружила на гранитном полу. Монахиня надела их, оглянулась. Опять этот странный звук шагов. Ей стало внезапно страшно. Кто может быть в капелле в такой глухой час?

Что-то неуловимо изменилось, поняла сестра Фернанда. Она поразилась, увидев, что с алтаря исчезла дароносица, заключающая в себе бесценную реликвию – гвоздь с креста Голгофского, сохранивший следы крови распятого Спасителя. На алтаре дароносицы не было! Но она находилась там минуту назад! Сестра обернулась, заслышав мягкие шаги. Шаги смерти. Некто кинулся на нее со спины, шею благочестивой монахини захлестнула тонкая бечевка. Сестра попыталась сопротивляться, но тот, кто напал на нее, был намного сильнее жертвы.

Спустя десять секунд все было кончено. Убийца опустил бездыханное тело сестры Фернанды на гранитный пол капеллы. Очки, свалившиеся во время короткой борьбы, хрустнули под башмаком убийцы.

Бросив на тело бечевку, он поспешил скрыться. На мгновение убийце показалось, что в спину ему кто-то смотрит. Чушь! Никто не мог быть свидетелем этого преступления!

И все же злодей обернулся на пороге капеллы. Хрустальная статуя Девы Марии по-прежнему скорбно улыбалась, взирая на бесчинства и злодеяния детей Сына Своего. По обеим щекам статуи текли сверкающие в сполохах свечей, как бриллианты, слезы...

Фыркнув, машина заглохла окончательно. Эльке Шрепп чертыхнулась и, открыв дребезжащую дверцу, оказалась на воле. Так и есть. Мотор приказал долго жить, а следом за ним скончался и автомобиль. Покойся с миром!

Эльке, комиссар криминальной полиции города Гамбурга, решила взглянуть на двигатель. Она отшатнулась в сторону – в лицо ей ударил сизый дым, который валил из-под капота. Похоже, машина не в состоянии ехать дальше.

– Черт возьми! – выругалась Эльке. Она изо всех сил пнула колесо ногой. Автомобиль, пискнув, задрожал. Эльке испугалась, что колымага развалится.

Наступала тропическая ночь. Шрепп взглянула на часы. Была половина одиннадцатого, она оказалась на проселочной дороге, которая, похоже, вела в никуда. Рядом – ни души, только буйная вечнозеленая растительность. Ведь она находится в самом сердце Южно-Американского континента.

И зачем только она взяла билет в Коста-Бьянку? Эльке не могла ответить на этот вопрос. Все началось с того, что она поссорилась со своей подругой Антье. Комиссар криминальной полиции города Гамбурга Эльке Шрепп, сорока двух лет от роду, работавшая уже почти двадцать лет в гамбургской криминальной полиции, никогда не скрывала того, что предпочитает для любви женщин. Ну кого это сейчас интересует?

В последнее время она начала осознавать, что ей требуется семейный уют и понимающий собеседник, однако вместо этого Эльке изо дня в день возвращалась в трехкомнатную квартиру, расположенную в гамбургском районе Бармбек, где ее ждала трехцветная кошка по имени Ангела Меркель – и одиночество.

Работа в полиции не способствовала долгим и прочным отношениям. То и дело ее вызывали на очередное происшествие, отпуск откладывался или переносился, мобильный телефон звонил в самый неподходящий момент, разрушая романтический ужин или срывая посещение театра. Подругам Эльке это не нравилось. Не нравилось это и самой Шрепп, однако она давно сделала свой выбор: охота на преступников была главным в ее жизни.

Год назад, после того как Эльке блестяще раскрыла дело об убийстве престарелой Герлинды Ван Райк, гамбургской миллионерши, владелицы ювелирной империи, ее повысили в должности, а первый бургомистр даже лично вручил награду¹.

Примерно в то же самое время Эльке и познакомилась с Антье. Та, темноволосая изящная красотка, работала в «Талии», крупном книжном магазине в центре города на Шпиталерштрассе. Эльке вообще предпочитала средиземноморский тип женщин... Отношения развивались бурно, Шрепп даже думала, что наконец-то нашла ту единственную...

Ссора за неделю до начала совместного отпуска положила всему конец. Они планировали отправиться на фешенебельном лайнере в круиз по Средиземному морю на две недели, а вместо этого Эльке осталась одна в квартире, рядом с мурлыкающей Ангелой Меркель.

Все началось так глупо, из-за пустяка, а закончилось полным крахом. Потому-то Эльке, которая не могла больше оставаться в Гамбурге, и заявила в первое попавшееся туристическое агентство, где ткнула пальцем в страницу наобум раскрытого проспекта и сказала:

– Я хочу отправиться туда, причем немедленно. Расходы меня не интересуют!

Последняя фраза оказалась решающей, так Эльке Шрепп и вылетела в столицу южноамериканской республики Коста-Бьянка. Ангела Меркель была вверена заботам Йохана Пилярски, друга и сослуживца Эльке.

Сидя в самолете, которому потребовалось почти десять часов, чтобы пересечь небесный океан, Эльке с горечью и непонятной ненавистью думала о своей подруге Антье. Та ведь все же отправилась в круиз, и не одна, а прихватив молодую эффектную блондинку. И как она могла так ошибаться в Антье! Вот и хорошо, что они расстались!

И все же... Все же ей было очень обидно. Она даже едва не заплакала, вспоминая, как ждала путешествия по Средиземному морю. Это стало ее мечтой, она не отдыхала толком уже лет семь-восемь. Билеты остались у Антье, причем оплатила все сама Шрепп. Не требовать же их обратно после ссоры?

А милашка Антье оказалась расчетливой и практичной, зачем пропадать великолепному путешествию? Она решила использовать подвернувшийся шанс. Эльке усмехнулась. Ничего,

¹ См. роман А.Леонтьева «Закат созвездия Близнецов».

она тоже отдохнет в этой... Как ее... Коста-Бьянке! Экзотическая страна, полная загадок и солнца. Она сумеет забыть обо всем!

Поэтому Шрепп с аппетитом принялась за завтрак, который сервировали в самолете, и при этом дважды потребовала себе шампанского. Все же было странно: все летят в отпуск с сопровождением мужа или жены, многие – с детьми. А она, Эльке Шрепп, сорока двух лет, в полном одиночестве. Или это ее судьба – идти по жизни совершенно одной? Эльке старалась не думать на такие темы. И вообще, философствования только травят душу.

Коста-Бьянка поразила ее: буйство красок, тропический климат, галдеж на улицах. Страна разительно отличалась от Германии. Эльке сносно говорила по-испански, ей приходилось частенько иметь дело с коллегами из Мадрида.

У нее был заказан номер в столичной гостинице. Первые несколько дней она фланировала по мегаполису, посещала магазины, музеи, совершила даже вылазку в расположенный где-то под Эльпараисо индейский комплекс: древние храмы, каменные исполины и водопад, низвергающийся со скалы в бездну. Это впечатляло!

Затем у Эльке возникла спонтанная идея. Сидеть в Эльпараисо, конечно, хорошо, у нее еще целых две недели отдыха в Коста-Бьянке. Можно все это время ничего не делать, валяться на пляже, загорать, пить коктейль за коктейлем и, возможно, познакомиться с одной из этих симпатичных смуглых костабьянок.

Но это так предсказуемо! Поэтому, увидев вывеску: «Автомобили напрокат! Лучшие маршруты по стране!», Шрепп заплатила не так уж много и получила ключи от выглядевшей вполне надежно машины, а также атласы с указанием трасс республики.

Покинув шумный и вполне комфортабельный Эльпараисо, Эльке Шрепп запыхтела на своем автомобильчике по проселочным дорогам. Она намеренно избегала крупных магистралей, ей хотелось познакомиться с жизнью страны. Стоило выехать за пределы столицы, как Эльке оказалась в другом мире. С двух сторон ее обступали неприступные джунгли, сколько раз ей пришлось тормозить, чтобы пропустить ковыляющую через дорогу обезьяну, не столкнуться с выводком диких свиней или не переехать дикобраза.

Она ночевала в небольших городках, уезжая все дальше и дальше от Эльпараисо. Как же здесь захватывающе интересно! Может, забыть о работе в гамбургской полиции и переехать в Коста-Бьянку? Когда-нибудь, лет через двадцать, она так и сделает.

Однако в конце восьмого дня авторалли по Коста-Бьянке Эльке поняла, что устала. Пора возвращаться в столицу, она примет наконец ванну, растянется на белоснежных простынях в своем номере отеля. Путешествие стало ей надоедать.

И, как назло, по непонятной иронии судьбы, ее желаниям кто-то стал чинить препятствия. Или такова карма всех Козерогов (день рождения Эльке приходился на конец декабря), и задуманное никак не желает воплощаться в реальность?

Вначале ее едва не укусила змея, темно-красная, с желто-черными полосками, наверняка смертельно ядовитая, которая непонятным образом оказалась в сумке, куда Шрепп полезла, чтобы вытащить атлас магистралей. Гадина, отвратительно зашипев, стрелой вылетела из сумки. Эльке, никогда не пасовавшая перед опасностью, завизжала, змея, грозно шипя, затаилась на смежном сиденье. Шрепп выбежала из автомобиля, оставив дверцу открытой, ей пришлось ждать около часа, пока змея соизволила плюхнуться на пыльную дорогу и неспешно, словно понимая, что хозяйка положения – она, поползла в сторону вечнозеленых кустов.

Затем, выйдя на обочину по естественной надобности, Эльке едва не села на паука размером никак не меньше ожидавшей ее в Гамбурге трехцветной Ангелы Меркель. Отвратительный, косматый, с когтистыми лапами, он, казалось, глядел на Эльке всеми своими многочисленными красненькими глазками. Шрепп поняла: Коста-Бьянка – это совсем не Северная Германия. Пора возвращаться домой! Она ощутила внезапную тоску по работе, коллегам,

любимой кошке и даже предательнице Антье. Наверняка та сейчас расслабляется в шезлонге у бассейна на верхней палубе роскошного корабля. Причем не одна, а в компании с безымянной блондинкой, и это путешествие оплачено из ее, Эльке, кармана!

Ругаясь на чем свет стоит, Шрепп замахнулась на паука ногой, зверь же неожиданно прыгнул, причем едва не угодил Эльке прямо в лицо. Комиссарша ретировалась, признав свое полное поражение. Хороша же страна, где в сумках таятся змеи, а в траве на обочине живут прыгающие пауки! Если она раньше восхищалась ярким солнцем, чистым небом, буйной растительностью, экзотическими животными, то теперь Эльке костерила все это на чем свет стоит.

– Тоже мне, тропический рай, – пытаюсь разобраться в хитросплетении магистралей и проселочных дорог на карте, стонала она, – прочь отсюда, хочу принять горячую ванну и упиться шампанским! И пойти на дискотеку! И посмотреть «Кто хочет стать миллионером».

Но все это было недостижимой мечтой. Чтобы принять ванну, упиться шампанским до бесчувствия и тем более пойти на дискотеку, ей требовалось оказаться снова в Эльпараисо. А она, кажется, заблудилась!

Коста-Бьянка – это не Германия, где через каждые полкилометра стоят огромные щиты, на которых объясняется, на какую трассу следует свернуть, чтобы оказаться в нужном месте, и сколько километров осталось до ближнего населенного пункта. Эльке мучительно пыталась найти магистраль А9. Где она, эта трасса, отмеченная на карте серым цветом? Если она не окажется на ней, то не попадет никогда в Эльпараисо! Она ни за что не сможет вернуться обратно в столицу по сельским дорогам, потому что ехала по ним как придется, не сверяясь с картами и не обращая внимания на дорожные указатели, которые встречались ей изредка и почти всегда в нечитабельном виде.

Мистическим образом А9 исчезла. Эльке не могла понять, куда ее занесли собственные глупость и восторженность. И, как назло, ни одного селения под боком, ни единой автозаправки или хотя бы живой души! Она была в самом центре джунглей, где-то на богом забытой трассе, ведущей в дебри, кишасшие гадами.

Ей пришлось провести ночь в кабине автомобиля, при этом Эльке стала свидетельницей таинственной и страшной жизни ночных джунглей. Шумливые и наверняка кусачие звери орали под боком, как будто с них живьем снимали шкуру, в тропиках кто-то кого-то поедал, как решила комиссарша. Она заблокировала все четыре дверцы, не желая, чтобы к ней ворвался ягуар или пантера.

Она так и не сомкнула той ночью глаз, вопли, крики, пение, топот, шорохи, визг, копошение – все это не давало ей покоя. Непонятные существа даже резвились на крыше автомобиля, но Эльке, прислушиваясь к их стенаниям и охам (обитатели тропиков, по всей видимости, выбрали крышу автомобиля вначале аренной для драки, а затем для спаривания), так и не решилась призвать неутомных созданий к порядку.

Под утро она провалилась в короткий и тяжелый сон, на дороге она обнаружила разбитого сумчатого, а вся крыша автомобиля была в перьях и царапинах.

Эльке продолжила свой путь в неизвестном направлении. Внезапно в самом центре джунглей она наткнулась на автозаправочную станцию. И кому только тут продают бензин? Ага, даже автомобиль стоит около бензоколонки, правда, какой-то странный...

Комиссарша, радуясь, что наконец-то встретится с людьми, которые подскажут ей, как добраться до столицы, вышла из машины. И увидела, что автозаправка давно заброшена: стены здания облупились и заросли лианами, дверь сорвана с петель. Автомобиль ей показался странным по той простой причине, что в нем не было ни единого целого стекла, некогда красный, он стал бледно-розовым, видимо, из-за постоянного омовения тропическими ливнями или выцвел на солнце.

Комиссарша Шрепп, испытывая непонятное чувство, смесь страха и любопытства, зашла в пропахшую плесенью и сыростью комнату, некогда служившую магазинчиком. Упаковки с

продуктами, срок годности которых истек многие годы назад, заплесневели, покрылись зеленоватым налетом, банки почернели и вздулись, книги и журналы оказались изъеденными жуками и белесым грибом.

Она обнаружила три скелета, почерневших и покрытых мхом. Один из них сжимал в руке пистолет. Эльке вытащила из костяных объятий оружие. Надо же, все еще боеспособное, даже с одним патроном.

Других выстрелов этот некто (по всей видимости, мужчина, о чем свидетельствовали остатки гавайской рубашки и многочисленные золотые цепочки, украшавшие когда-то волосяную грудь) сделать не успел, однако Эльке стало ясно: в свое время автозаправка явилась местом убийства. На стенах сохранились следы от автоматных очередей. Наверное, мафиозная разборка. Кто-то убил всех в магазинчике при помощи автоматического оружия.

Другой скелет принадлежал тоже мужчине, находившемуся за прилавком. Третьи останки, облаченные в изъеденное платье, были явно женскими, черные волосы до плеч все еще сохранились и смотрелись ужасно и одновременно завораживающе, обрамляя голый скалящийся череп.

Трагедия явно произошла много лет назад. Эльке не была экспертом в подобных вопросах, однако, судя по старой пожелтевшей газете, которая лежала рядом со скелетом продавца и была датирована 19 ноября 1987 года, с момента смерти несчастных прошло никак не менее восемнадцати лет.

Эльке прихватила пистолет, который был в хорошем состоянии. Оружие ей может пригодиться. В металлическом ящике под прилавком комиссарша нашла запасы патронов для пистолета, а также деньги. Но эти разноцветные бумажки ей не потребуются, в Коста-Бьянке в середине девяностых была денежная реформа, и те деньги, что лежали в ящике, давно вышли из обращения.

Что же здесь случилось? И почему трупы так и остались лежать в джунглях и никто не позаботился о том, чтобы убрать их и провести расследование? Эльке вчиталась в полустертые буквы старой газеты. Ага, за несколько дней до расправы, если она имела место 20 или 21 ноября 1987 года, в Эльпараисо произошел переворот, очередной, надо сказать. В южноамериканской республике постоянно кого-то свергали и провозглашали нового властителя. До последнего времени, потому что с приходом к власти Изабеллы Баррейро, первой женщины-президента в истории Коста-Бьянки, все разительно переменилось. Более того, она сама добровольно подала в отставку, а ее всенародно избранным преемником стал Алекс Коваччо, герой освободительного фронта и по совместительству – муж очаровательной Изабеллы.

Значит, после переворота в 1987 году кто-то нанес визит на автостоянку, чтобы напипговать свинцом ее хозяев. В стране воцарился хаос, и полиции не было дела до расследования явно политического убийства. Будь это ограбление, то деньги, сейчас уже неликвидные, не остались бы лежать в кассе.

И, судя по всему, жертвой убийства стал и несчастный покупатель, точнее, покупательница, чей скелет лежал неподалеку. И чью машину Эльке видела на улице около бензоколонки. Что ж, у каждого своя судьба, в этом комиссар была уверена.

Она порылась под кассой. Так, есть старинный атлас, может, он ей поможет выбраться на трассу? Сумерки подоברались незаметно, минуту назад светило солнце, а теперь на джунгли легли тени. Эльке вдруг услышала в смежной комнате шорох. Кто это? Зверь – или человек? Она бы предпочла встретиться со зверем, потому что человек на заброшенной автозаправке с тремя скелетами может оказаться опаснее хищного животного.

Комиссарша, взяв атлас, не стала дожидаться ответа на свой вопрос, метнулась обратно к машине и поехала прочь. Шрепп взглянула на страницы атласа: если она правильно все понимает, то нужно преодолеть еще около десяти километров, чтобы оказаться на трассе. И это хорошо, потому что бензина осталось не так много.

Но ни через десять, ни через двадцать километров она не увидела никакого выезда на трассу. Получается, она ошиблась, и что же ей теперь делать?

В этот самый момент машина и скончалась, оставив вопрос о дальнейших действиях открытым. Эльке так и знала: автомобиль давно задыхался. Вот и все! И что, толкать его в неизвестном направлении? Если бы она хоть знала, куда идти!

Логично было бы предположить, что если имеется дорога, причем дорога, судя по всему, используемая и не заросшая травой, то, значит, она куда-то ведет. И если по ней идти, то рано или поздно выйдешь к людям. Но в Коста-Бьянке, как Эльке поняла, действуют особые правила: дорога здесь может вести в никуда – или к очередной автозаправочной станции – призраку со скелетами.

Шрепп, зарядив пистолет, прихватила сумку (убедившись предварительно, что в ней не затаилась змея, паук или еще какая-то тварь), взяла два ненужных атласа и вышла в ночь. Все же страшно идти по дороге неизвестно куда, но нет смысла оставаться в машине. У нее есть пистолет, если что – она сумеет за себя постоять.

Шрепп двинулась вперед. Ночная тьма сомкнулась за ней, как будто она ступила на ступеньку лестницы, ведущей в погреб, дверь за ней внезапно захлопнулась, и исчез спасительный прямоугольник света и надежды.

Эльке была здравомыслящей особой – путешествие по джунглям ночью может плохо для нее закончиться, но ей не хотелось снова ночевать в машине. Автомобиль дальше не пойдет. Но здравый смысл не всегда то, чему надо следовать. В Коста-Бьянке, как она убедилась, в чести иные ориентиры.

Она шла с большой осторожностью, боясь наступить на змею. Вошла луна, которая освещала дорогу и джунгли. Огромное желтое ночное светило напоминало декорации к триллеру. Вот сейчас появится из джунглей монстр... Если и появится, решила Эльке, то она выстрелит в него.

Однако вместо монстра за очередным зигзагом дороги появилось то, чего Эльке так ждала в течение последних дней, – вывеска! Шрепп со всех ног бросилась к покосившемуся столбу: его венчал щит. Свет луны был достаточным, чтобы Эльке смогла разобрать темные буквы.

«Санта-Кларита». Великолепно, она пришла в городишко с романтическим названием Санта-Кларита! Странно только, что в том углу карты, который изображал участок, где, как была уверена Эльке, и находилась она в данный момент, такого городка нет и в помине. Значит, она все перепутала! Ну ничего, сейчас около полуночи, но она нашла поселение. И там есть люди!

Эльке вдруг подумала, а что, если эта самая Санта-Кларита – город мертвых. Стоят дома, в них громоздится мебель, на улице припаркованы автомобили, а везде только скелеты. Как на автозаправке.

Гоня прочь глупые мысли, Эльке заспешила по дороге в Санта-Клариту. Вот и первый дом – большой, старинный. И, что важно, расцвеченный огнями. Там есть люди, живые люди, и это грело душу Эльке Шрепп. Хватит с нее приключений, постучит в дверь, все объяснит, попросится переночевать, а утром – прочь из Санта-Клариты. И вообще, пора домой, в Гамбург!

Комиссарша подошла к воротам, нажала кнопку звонка. До нее донесся отдаленный трезвон. Но никто не спешил открыть ей дверь. В чем же дело? Эльке толкнула ворота, те распахнулись, Эльке оказалась в патио, внутреннем дворике. Она прошла по каменной дорожке, которая вела мимо клумб, к дому. Клумбы ухожены, так что в доме явно кто-то обитает. Нет ни малейшего следа запустения. Ура!

Эльке позвонила в дверь особняка, но ответом ей было молчание. Понятно, хозяева по причине позднего часа могут уже быть в постели, кроме того, наверное, здесь не принято открывать дверь, если в нее кто-то звонит в полночь.

– Прошу прощения! – закричала Эльке по-испански. – Меня зовут Эльке Шрепп, я – немецкая туристка. Моя машина заглохла на дороге, поэтому я обращаюсь к вам за помощью. Могу ли я остановиться у вас? Я заплачу, с этим никаких проблем!

Эльке показалось, что во дворе метнулась темная фигура. Значит, здесь кто-то есть? Но кто? И почему, если тут есть люди, ее реплики не вызвали никакой реакции? Или ей не верят? Судя по нравам, царящим в стране (скелеты на автозаправке...), чужаков здесь не любят. Но не ночевать же ей на пороге дома!

Набравшись храбрости, Шрепп толкнула входную дверь. Та поддалась, пропуская Эльке внутрь особняка. Комиссар обернулась, уверенная, что снова услышала шорохи около ворот. Так и есть, кто-то нырнул за них. И что это значит?

Она очутилась в залитом искусственным светом холле. Дом был обставлен богато и со вкусом. Эльке еще раз громко повторила фразу о том, что она немецкая туристка и нуждается в помощи. Ее не могли не слышать.

Снова никто не отреагировал на ее слова. Поэтому, на всякий случай сжимая в руке пистолет, Эльке направилась в зал. Включенный телевизор, показывающий старый фильм (кажется, «Касабланка»), на столике перед телевизором – чашка кофе и зажженная сигара. Сигара еще тлеет, а кофе теплый. Значит, тот, кто приготовился наслаждаться шедевром кинематографии, где-то рядом. Но почему он не откликается? Или принял Эльке за преступницу?

На первом этаже располагалась кухня, на которой тоже никого не было. Эльке поднялась по витой лестнице на второй этаж. Ступила на скрипящие половицы, увидела приоткрытую дверь. Ага, это кабинет хозяина...

А вот и он сам. Мертвый. Лежит на полу в луже крови. Шрепп много раз за свою полицейскую карьеру доводилось осматривать трупы. Перед ней лежало мертвое тело, она в этом не сомневалась, но на всякий случай попыталась нащупать пульс. Рука теплая, значит, преступление произошло недавно.

Лицом вниз, в луже крови, которая натекала из большой раны на голове, нанесенной бронзовой статуэткой, изображающей многорукую индийскую богиню (статуэтка валялась подле тела), перед комиссаршей Эльке Шрепп лежал мужчина, облаченный в легкий домашний халат. Судя по седым волосам и морщинистым рукам, пальцы которых были унизаны перстнями, – пожилой человек.

Тот, кто убил хозяина дома, перевернул его кабинет: ящики стола были вывернуты, бумаги рассеяны по ковру, книги выброшены с полок, небольшой сейф, вмонтированный в стену, раскрыт и также пуст. Убийца что-то искал.

Эльке совершенно успокоилась. Что же, она попала в заваруху, но с ней и не такое бывало. Она внимательно осмотрела второй этаж. Ванная комната, спальня, еще одна спальня и вторая ванная – видимо, для гостей, небольшая кладовая, где хранятся веники и ведра. Никого. Убийца ушел. Эльке вспомнила шорохи во дворе, которые она слышала до того, как зашла в особняк. Был ли это убийца или убийцы? Или кто-то еще?

Она вернулась в кабинет, где находился труп. Самое разумное сейчас – вызвать полицию. Но как? Она даже не знает номера телефона полиции, чтобы проинформировать власти о совершенном преступлении. Эльке подобрала на ковре фотографию в разбитой рамке.

Значит, седовласый импозантный бородач и есть жертва. И почему кто-то решил убить его? Эльке знала, что мотивов для преступлений, в особенности для убийств, не так уж и много. В основном – нажива, затем – проявления чувств и эмоций, кроме того – устранение ненужных свидетелей или шантажистов, то есть страх за собственную шкуру. Из-за чего погиб этот господин? Убийца перевернул весь его кабинет. Было ли это убийство случайное, совершенное

грабителем, застигнутым на месте преступления, впопыхах, или убийство тщательно спланированное?

Не ей судить, в этой Санта-Кларите должна иметься собственная полиция, которая в состоянии раскрыть подобное преступление. Эльке вздохнула. Кажется, сегодня она так и не примет ванну и не выспится на белых простынях.

Она спустилась вниз. До ее слуха снова долетели непонятные шорохи. Убийца вернулся? Она сжала пистолет.

– Не двигаться! – раздался голос у нее за спиной. – Немедленно положите оружие! Вы арестованы! Одно подозрительное движение, и я стреляю!

Николетта Кордеро с любопытством осмотрела кабинет министра внутренних дел республики. Ее нечасто приглашают к таким «шишкам». Хотя она и сама – своего рода знаменитость. В особенности после того, как в прошлом году попала в небывалую историю, связанную с похищениями детей, в результате которой ее лучшими друзьями стали президент США Джеральд Эллиот и его очаровательная и спасенная Николеттой из рук опасного сумасшедшего супруга Тира Мэй. Она даже побывала по настоящему приглашению президентской четы в Белом доме².

Нико пришлось пройти многое: и опалу, и повышение. Какое-то время она работала в Министерстве юстиции на должности советника, однако, как потом выяснилось, ее специально спровадили на это теплое местечко, чтобы помешать расследованию, которое она вела. Ее старший брат много лет назад стал жертвой интриг и убийства. Макс был полицейским, как и она сама, одним из лучших в стране, а его обвинили в коррупции. После смерти... Нико узнала, кто стоит за всем этим, и покарала предателя.

И вот после разоблачения махинаций с исчезновением детей в Коста-Бьянке, которые использовались для сатанинского плана одной всемирной корпорацией, Николетта снова оказалась «со щитом». Тот факт, что американский президент и его жена благоволят к Кордеро и считают ее своей спасительницей, заставил замолчать недоброжелателей Николетты, которых у нее было предостаточно. Она уволилась из Министерства юстиции и настояла на том, чтобы снова начать работу в полиции. Так Николетта получила должность комиссара полиции в Эльпараисо.

Она знала: если ее затребовал к себе шеф, министр внутренних дел, то от нее требуется нечто экстраординарное. Но что именно? Когда час назад раздался телефонный звонок и ей в неукоснительном порядке было предписано через десять минут быть готовой к тому, что ее заберет лимузин министерства, Николетта поняла: произошло что-то серьезное.

Она и не спрашивала ни о чем шофера черного «Мерседеса», который вез ее к резиденции министра. Была половина третьего, ночной Эльпараисо бурлил в самом угаре развлечений и порока. На улицах толпились пьяные, промышленляли бандиты, продавались проститутки. Утром станет все по-иному, столица примет цивильный и целомудренный вид, но ночь – ночь была бесспорной добычей прожигателей жизни.

Лимузин свернул с главного проспекта Эльпараисо, проспекта Изабеллы Баррейро, в один из переулков, где располагались правительственные учреждения. Вот и особняк министерства. Ее там ждут.

Николетта на лифте поднялась на последний этаж. Раз министр в три ночи самолично принимает комиссара столичной полиции у себя, значит, дело безотлагательное. Что же случилось – жертвой преступления стал отпрыск кого-то из властей предрежащих? Или, что вероятнее всего, этот отпрыск сам совершил очередное преступление? В прошлом месяце все газеты только и трубили о том, что двадцатилетний сын министра экономического развития, находясь

² См. роман А.Леонтьева «Восьмой смертный грех».

под воздействием наркотиков, открыл пальбу в элитном ночном клубе, ранив десятерых и убив двух человек.

Николетта прошла в приемную министра. Корректный молодой человек поднял трубку селекторной связи и произнес, приглашающе указав ей на софу:

– Господин министр, она прибыла. Да, как скажете.

Затем он обратился к Кордеро:

– Его превосходительство примет вас через минуту.

Николетта, проигнорировав вежливое предложение сесть, осталась на ногах и принялась разглядывать копии картин экспрессионистов, украшавших приемную. Раздался зуммер, и секретарь произнес:

– Госпожа комиссар Кордеро! Господин министр ждет вас!

Николетта толкнула тяжелую золоченую дверь и оказалась в кабинете министра внутренних дел республики Коста-Бьянка. Кабинет был огромным, размером с футбольное поле, обставлен дорого и безвкусно.

Сам министр, которого Нико видела доселе только на экране телевизора и на фото в газетах, полноватый аристократ лет сорока пяти с военной выправкой и пронзительным взглядом, поднялся из-за массивного стола, до которого Нико пришлось идти никак не менее двадцати пяти метров, и протянул ей руку.

– Рад, Кордеро, что вы здесь, – сказал он, указывая на кресло. На этот раз Никоlette пришлось сесть, а министр продолжал возвышаться над ней.

«Интересно, он думает, что я могла и не прийти к нему на прием?» – подумала Нико-летта. Министр подошел к большому окну, занавешенному порттьерами, и, стоя спиной к Нико, заметил:

– Кордеро, вам, конечно, известно, что вскоре в Коста-Бьянку прибудет его святейшество папа римский с первым в истории официальным визитом.

– Да, – ответила Николетта. – Мне это известно.

Но к чему клонит министр? О том, что глава католической церкви посетит республику, писали все газеты и сообщали все телевизионные каналы. Церковь была одним из самых могущественных институтов в стране, она имела большое влияние на формирование общественного мнения, и поэтому, когда несколько лет назад архиепископ Эльпараисский покончил жизнь самоубийством, до этого попытавшись убить жену президента Изабеллу, это стало ужасной сенсацией.

– Папа прибудет в Эльпараисо через восемь дней, – продолжал министр. – Программа его визита будет очень насыщенной и разнообразной. Например, он проведет службу на центральном стадионе, причем ожидается, что количество паломников перевалит за полмиллиона. Этот визит – одновременно большая честь для нас и головная боль. Безопасность папы – это то, за что отвечаю и я в том числе.

Неужели ей поручат некое расследование, связанное с обеспечением безопасности папы римского? Но кто она такая, Николетта Кордеро, чтобы найти террористов, желающих, к примеру, совершить покушение на главу церкви? Быстрее и эффективнее, чем она, с этим заданием справятся спецслужбы.

Министр, повернувшись к Нико лицом, сказал:

– Наше государство приложит все усилия, чтобы визит папы прошел на должном уровне. Ничто, слышите, Кордеро, ничто и никто не имеет права помешать этому визиту. Поэтому я и просил приехать вас ко мне в столь поздний час. Слава богу, нам на данный момент не известно ничего о том, чтобы кто-либо – террористическая группа или маньяк-одиночка – затевал покушение на престарелого заместителя Христа. Однако... – Он замолчал и, собравшись с мыслями, сказал после короткой паузы: – Папа, как вам, вероятно, известно, желает не только побывать в столице страны, Эльпараисо, но отправиться и в провинцию. Например, точно известно, что

его святейшество заглянет в штат Атаскадеро, а именно в городок под названием Санта-Кларита. Вы ведь в курсе, чем знаменита Санта-Кларита?

– Хрустальной статуей, – ответила Николетта. Министр подтвердил ее слова энергичным кивком головы: – Совершенно справедливо, хрустальная статуя Пречистой Девы Марии, изготовленная неизвестным ваятелем несколько столетий назад. Эта статуя располагается в капелле, которая примыкает к монастырю Непорочного Зачатия. И, что самое удивительное, эта статуя плачет! Из ее глаз текут слезы! Статуя считается одним из современных чудес католической церкви. Согласно официально утвердившейся версии, Дева Мария явилась нескольким детям и предсказала им будущие катастрофы, а также то, что в поле зарыта ее статуя. Статую нашли несколькими днями позже. Кто ее автор и как она оказалась в земле, никто не знает до сих пор...

Николетте была известна история хрустальной Марии. Кто знает, правда ли этот рассказ или нет, однако Санта-Кларита славилась двумя вещами – плачущей хрустальной статуей и женским монастырем.

– Так вот, – заявил министр. – Дело, которое я хочу вам поручить, Кордеро, имеет непосредственное отношение к этому милому городишке. Население Санта-Клариты, как вам известно, не более нескольких тысяч человек. Пока точный маршрут его святейшества не стал достоянием гласности, мы не хотим, чтобы в городок устремились толпы паломников и туристов. Визит папы – это огромная для нас честь, вы же понимаете... Поэтому у вас есть всего несколько дней, чтобы выяснить... Чтобы выяснить, что именно происходит в Санта-Кларите!

Министр прокашлялся и сказал:

– Три дня назад в капелле, перед самой статуей Девы Марии, было обнаружено тело одной из монахинь монастыря Непорочного Зачатия. Пожилую особу убили, кто-то задушил бедняжку! Никогда и никто ранее в Санта-Кларите не поднимал руки на монахинь, а тут – такое зверское убийство! При этом из капеллы пропала реликвия – золотая, усыпанная драгоценными камнями дароносица, причем в ней хранился гвоздь, который использовали при распятии Иисуса на Голгофе. Во всяком случае, так утверждали представители католической церкви. Позавчера произошло второе убийство: лишена жизни еще одна монахиня, на этот раз жертву нашли утопленной в небольшом фонтанчике на городской площади. Кто-то продержал голову несчастной под водой до тех пор, пока та не захлебнулась. Понимаете, скорее всего тот, кто убил первую монахиню и украл дароносицу, поднял руку и на вторую! И это перед самым визитом папы! А всего несколько часов назад... Поступило очередное сообщение из Санта-Клариты – снова жестокое убийство. Однако не монахини, а некоего синьора Хорхе Фабидо, местного ученого и историка. Ему разможили затылок бронзовой статуэткой, а весь его дом переверосили и, возможно, похитили массу ценных вещей и бумаг. На месте преступления была задержана некая особа, гражданка Германии, комиссар полиции Гамбурга Эльке Шрепп. Вероятнее всего, эта немка не причастна к убийству Фабидо, она оказалась в его доме случайно, ее машина заглохла невдалеке от его дома, и она искала помощи. Нам не нужна лишняя головная боль с немцами, ни к чему информировать немецкое посольство и, что самое главное, газеты и телевидение! Они в один момент сделают из этих убийств сенсационную бодягу!

– Поэтому, Кордеро, – заключил министр внутренних дел, – с учетом того, что вы проявили себя самым блестящим образом при расследовании дела о похищении детей и сумели отвести реальную угрозу убийства от жены президента Соединенных Штатов, я поручаю вам в кратчайшие сроки провести расследование в Санта-Кларите. Полиция в этом провинциальном местечке, увы, не может оказать реального сопротивления маньяку, который там бесчинствует. Убиты уже три человека, и ваша задача установить, имеется ли между этими смертями связь или нет, и в любом случае найти убийцу или убийц. Это должно произойти до того, как его святейшество окажется в Санта-Кларите. Глава местной полиции, комиссар Гарсиа, еще молод и неопытен, чтобы сделать все как надо. Поэтому, Кордеро, вы и направляетесь в Санта-Клариту.

Что же, задание Николетте было понятно. От нее требуется, чтобы она нашла убийцу двух монахинь, местного историка, а также место, где находится украденная драгоценная дароносица. И на все это отводится...

– Неделя, – лаконично заключил министр. – В вашем распоряжении семь дней. Через неделю на моем столе, Кордеро, должен лежать отчет о произошедшем, и преступник или преступники должны находиться под стражей. Я не могу себе представить, что папа поедет в Санта-Клариту, когда там действует маньяк-убийца! Кто знает, может быть, этот безумец планирует и покушение на его святейшество! В любом случае, Кордеро, изловить сумасшедшего убийцу и передать его в руки правосудия ваша основная задача.

– У вас неограниченные полномочия, – добавил министр. – Так что используйте их с умом. И, самое главное, пресса не должна ничего проведать о произошедшем! Наше счастье, что Санта-Кларита расположена на периферии и пока что никто не проявляет к этому сонному и пыльному городишке большого интереса. Репортеры и журналисты еще не пронюхали о трех убийствах, которые случились за последние четыре дня. Но если происшествие станет достоянием гласности... Это омрачит визит папы, а этого господин президент никак не хочет допустить!

Последнее и было самым весомым. Раз президент Коваччо отдал распоряжение пресечь скандал, его подчиненные бросились выполнять приказание всеми силами.

– И никаких новых убийств, – произнес министр. – Трех трупов вполне достаточно. Вы меня слышите, Кордеро?

Николетта подумала, что это зависит не столько от нее, сколько от воли убийцы. Если тот наметил себе еще одну жертву, то она бессильна. Но не говорить же об этом министру? Тот, сидя в роскошном столичном кабинете, давно потерял чувство реальности, кажется, он и в полиции не работал, а до того как получил назначение, заправлял сельским хозяйством.

– Власти Санта-Клариты уже предупреждены о вашем визите, – сказал министр. – Комиссару Гарсиа отдан приказ оказывать вам всемерное содействие. Мэр этого местечка, некий Ногера, тоже обязан слушаться вас. Так что в путь, Кордеро! На вертолете вас доставят в столицу штата, а оттуда на машине к утру вы окажетесь в Санта-Кларите. Желаю вам удачи!

Он снова протянул Николетте руку, и ей не оставалось ничего другого, как пожалть ее. На пороге кабинета министр, словно вспомнив о чем-то, добавил, и от его слов у Нико побежали по спине мурашки.

– Но если вы не оправдаете моего доверия, Кордеро, и доверия господина президента... Тогда отвечать за провал расследования и возможные негативные последствия для имиджа нашей страны будете именно вы. Вам это ясно?

Министр внутренних дел слово в слово повторил фразу, которую слышал часом ранее от премьер-министра, а тот, в свою очередь – от самого президента Коваччо. Министр очень не хотел терять свое кресло, поэтому и решил, что если расследование потерпит крах или во время визита папы римского случится нечто непредвиденное, то всю вину можно будет спихнуть на Кордеро. Однако он в нее верил. Она умна, пытлива и умеет быстро ориентироваться в незнакомой обстановке. И если она не сможет остановить худшее, то этого не сумеет сделать никто.

В приемной ее ждал секретарь. Он сказал, обращаясь к Нико:

– Госпожа комиссар, вы немедленно едете в аэропорт, вертолет уже ждет вас. А оттуда вылетаете в столицу штата Атаскадеро!

С собой у Николетты не было никаких вещей, даже зубной щетки, однако, как заверил ее секретарь, это не проблема, все это она получит уже на месте. Николетта снова уселась в лимузин, который повез ее по ночному Эльпараисо в один из столичных аэропортов.

– В который раз я вам повторяю, что мне ничего не известно, – процедила сквозь зубы Эльке Шрепп. После задержания на месте преступления, в доме убитого господина по имени Хорхе Фабидо, ее доставили в полицейский участок, где молодой и симпатичный комиссар начал допрос.

Точнее, узнав, что Эльке – гражданка Германии, комиссар Фелиппе Гарсиа несколько растерялся, однако, уверенный, что иностранка вполне может быть представительницей международного синдиката, который специализируется на похищении предметов искусства, решил во что бы то ни стало получить от нее сведения по делу об убийстве двух монахинь и синьора Фабидо. Гарсиа было двадцать шесть лет, и он до ужаса гордился тем, что был главным полицейским в родном городке. То, что в столь юном возрасте он стал главой полиции в Санта-Кларите, имело два объяснения: во-первых, только Фелиппе Гарсиа имел диплом университета, подчиненные комиссара, почти все старше его, были, по сути, простыми крестьянами. И, во-вторых, глава Санта-Клариты, синьор Пруденсио Ногера, приходился комиссару родным дядькой.

Перед смертью матери Фелиппе ее брат Пруденсио дал ей клятву, что не бросит своего племянника и ее единственного сына и выведет его в люди. Пруденсио, который уже в течение пятнадцати лет занимал пост мэра Санта-Клариты, сдержал слово, данное умирающей сестре, и после окончания полицейской академии молодой племянник сменил старого комиссара и сделался главой полиции в городке. С того момента прошло полгода, и вот Фелиппе впервые оказался втянутым в столь сенсационное дело. Ведь за прошедшие дни в городке убили трех человек – двух монахинь и синьора историка. До этого последнее убийство в Санта-Кларите случилось лет десять назад и было раскрыто в течение десяти минут.

Теперь же все выглядело совершенно по-другому. Тот, кто изуверски лишил жизни безобидных монахинь и синьора Фабидо, не был найден до сих пор, и инспектор Гарсиа нутром чувствовал – убийца притаился где-то рядом, возможно, он все еще в городке. А это значит, что, изловив его и обретя бесценную дароносицу, где покоится гвоздь, которым Господа нашего Иисуса Христа прикрепляли к кресту, он, Фелиппе Гарсиа, станет знаменитым и, возможно, получит повышение и сможет сделать карьеру в столице – если не страны, то хотя бы штата. Все же Санта-Кларита была большой деревней, скучной и тихой. До последнего времени, во всяком случае...

Эльке шумно вздохнула и произнесла в очередной раз, глядя на высокого темноволосого молодого шефа полиции, который арестовал ее в доме Фабидо:

– Требую предоставить мне возможность встретиться с немецким послом или консулом. Я не обязана отвечать на ваши вопросы. В который раз вам объясняю, что моя машина заглохла на дороге, поэтому я и направилась искать помощь. Наткнулась на дом этого несчастного, а в доме – на его труп.

Гарсиа отдал приказание своему заместителю Родриго Санчесу проверить слова немки. Родриго, проворный малый, наткнулся на ее автомобиль недалеко от въезда в город. Кажется, она не врет, утверждая, что автомобиль заглох. Будь она убийцей, то вряд ли оставила бы автомобиль со вскипевшим мотором на дороге. И все же... У нее в руке был пистолет, который, по словам немки, она нашла на автозаправке в руке скелета. И здесь она, похоже, говорит правду. Об автозаправке, на которой лежат три мертвеца в течение последних почти восемнадцати лет, знал весь город, однако, как шептались, тот, кто войдет на станцию и потревожит покойников, будет навеки проклят. Поэтому тела никто и не убирал, никто и не сносил заброшенную заправку. Эта немка смело зашла туда и даже выдернула из костлявой руки скелета пистолет. А что, если мертвецы на самом деле решили покарать ее и наслали на нее проклятие? Да нет, это все сказки, хотя как знать...

– Ну ладно, – миролюбиво произнес Фелиппе. Эльке была комиссаром полиции в Гамбурге, маловероятно, что она причастна к убийствам и ограблению. Скорее всего, она в самом

деле случайный свидетель. Но Гарсиа сразу после задержания немки проинформировал столицу штата, и те вскоре сообщили, что по особому заданию министра внутренних дел и самого президента Коваччо в Санта-Клариту утром прибудет комиссар Николетта Кордеро. Гарсиа был наслышан о Кордеро, она – самый блестящий полицейский в Эльпараисо. Как же ему хочется получить перевод в столицу! Может, Николетта поможет ему в этом?

Фелиппе Гарсиа реально оценивал свои силы. Полицейский аппарат в Санта-Кларите состоял из десяти человек, включая и его самого. Причем только он и его заместитель Родриго были молодыми кадрами, все остальные рядовые полицейские были семейными людьми. Визит Кордеро к лучшему, хотя и не стоит лебезить перед столичной синьорой, все же глава полиции в Санта-Кларите он – Фелиппе Гарсиа!

– Хотите кофе? – спросил Гарсиа, подвигая к Эльке чашку с обжигающим напитком. Та не отказалась. Шрепп не держала зла на этого молокососа, как она окрестила Фелиппе. Он изложил комиссарше причины ее ареста, а также всю предысторию происходящего. Еще бы, его можно понять, в городе совершено три странных и чрезвычайно жестоких убийства, и ответственность за происходящее ложится на этого мальчишку.

– Значит, вам позвонил неизвестный и сообщил, что в доме синьора Фабидо совершено убийство, – сказала Эльке, размешивая сахар в чашке. Гарсиа кивнул. Он чувствовал расположение к этой немке. Она даже ему чем-то нравилась. Невысокая, однако уверенная в себе, тон у нее успокаивающий, отлично говорит по-испански. И у нее есть опыт работы! Гамбург – Гарсиа слышал об этом крупном немецком городе – по населению в тысячу раз больше, чем Санта-Кларита. Может, это перст судьбы, что немка-комиссарша оказалась в этих краях?

– Так и есть, – подтвердил Гарсиа. Он крикнул в коридор через открытую дверь: – Родриго, зайди сюда!

Появился заместитель Гарсиа, его правая рука Родриго Санчес, которому, как и самому шефу городской полиции, было не более двадцати пяти. Коренастый, с открытым смуглым лицом и темными глазами, Родриго производил впечатление исполнительного и работающего сотрудника, каковым и был на самом деле.

– Расскажи-ка еще раз, кто и как звонил в участок с сообщением об убийстве, – попросил его Фелиппе.

Родриго охотно пояснил:

– Я снял трубку, странный голос произнес: «Синьора Фабидо только что убили, и если вы поторопитесь, то можете застать преступника в доме». Я и доложил тебе... Точнее, вам, синьор комиссар!

– Поэтому я, едва Родриго поставил меня в известность о звонке, отправился к особняку Фабидо, – продолжил Гарсиа. – Ну, а остальное вам известно. Там я на первом этаже нашел вас с пистолетом, а на втором – труп самого Хорхе Фабидо.

Эльке отпила кофе и сказала:

– Могу только предположить, что тот, кто убил старика, видел, как я заходила в особняк. Наверняка он – или она – сообразил, что это чрезвычайно подходящая возможность свалить на меня вину за смерть Фабидо. И он позвонил в участок, чтобы подтолкнуть вас к моему аресту. Я уже говорила, что, когда заходила в дом, видела чью-то тень и слышала шорохи. Убийца едва не столкнулся со мной!

– Но кто он, этот чертов убийца! – в сердцах воскликнул Гарсиа. Став комиссаром городской полиции, он чрезвычайно гордился этим назначением, однако за последние несколько дней Фелиппе приуныл. Под его носом происходят страшные преступления, а он не в состоянии напасть на след злодея.

Раздался шум в приемной, Гарсиа велел заместителю посмотреть, кто явился в участок. Было около семи утра. Уже давно рассвело, и сквозь тонкие жалюзи в кабинет Фелиппе пробивались лучи солнца.

– Комиссар Николетта Кордеро, – входя в кабинет, произнесла темноволосая женщина, показывая свое служебное удостоверение. Эльке отметила, что эта столичная комиссарша очень даже симпатичная. Шрепп всегда тянуло к испанкам или итальянкам. Или латиноамериканкам.

Фелиппе, радуясь, что подоспела помощь, напустил на себя важный вид. Все же он – глава полиции целого города, а кто эта Кордеро – рядовой комиссар!

– Я прибыла в ваш город, чтобы вместе с вами, синьор комиссар, провести расследование тех преступлений, которые произошли в последние дни, – сказала Кордеро. Фелиппе помнил приказание, полученное им по телефону из столицы штата, – во всем оказывать Кордеро содействие. Получается, что она здесь главная! И лавры победителя достанутся ей. Но зато в случае поражения и спрос будет с нее.

– Мы очень рады, синьора комиссар, – сказал Фелиппе Гарсиа.

Та отмахнулась и добавила:

– Мне кажется, что мы можем называть друг друга по имени, не так ли? Ну что же, если с этим все согласны, то я бы не отказалась от чашки крепкого кофе и от последних известий. Вы, как я понимаю, и есть комиссар полиции из Германии Эльке Шрепп?

Кордеро обратилась к сидящей на стуле женщине. Та кивнула и произнесла не плохом испанском:

– Так и есть. И до последнего времени я была подозреваемой в совершении убийства.

– Что же, тогда вам есть что рассказать мне, – получив от Родриго свой кофе, заявила Кордеро. – Прошу, Фелиппе, изложите мне все то, что известно на данный момент!

Спустя час Эльке Шрепп в сопровождении Николетты Кордеро и Родриго Санчеса вышли из здания полицейского участка. Николетта, ознакомившись с фактами, пришла к тому же, что и Гарсиа, выводу: подозревать немку в совершении убийства или причастности к нему нет смысла. Она оказалась в Санта-Кларите совершенно случайно. Хотя по своему опыту Нико знала – случайностей в жизни не бывает. Ну, или почти не бывает.

– Таким образом, нам известно, что жертвами неизвестного убийцы или убийц стали сестра Фернанда, которая была найдена задушенной в капелле, сестра Пилар, которую утопили в городском фонтане, и синьор Хорхе Фабида, – констатировала Николетта. Она обратилась к Шрепп: – Что вы думаете по этому поводу, Эльке? Связаны ли между собой эти смерти?

– Скорее всего, да, – ответила после короткого раздумья Шрепп. – Кто-то начал непонятную и смертельную игру. Первая монахиня могла стать жертвой грабителя, который похитил драгоценную дароносицу. Из дома историка тоже могли исчезнуть некие важные предметы или документы. А вот вторая жертва... У нее же ничего не пропало и не исчезло?

Они шли по Санта-Кларите. Эльке во время своего автопутешествия уже навиделась подобных крошечных городков: они были похожи один на другой как две капли воды. Запыленные здания, узкие улочки, центральная площадь, на которой возвышается ратуша. Родриго вывел их к небольшому фонтану.

– Здесь и нашли сестру Пилар, – сказал он, указывая на неглубокую гранитную чашу, в которой плескалась вода. – Монахиня была уже пожилой, кажется, за шестьдесят, поэтому справиться с ней преступнику, вероятнее всего, не составило труда.

Николетта подошла к фонтану, а Эльке на мгновение закрыла глаза и представила картину: монахиня, на которую кто-то нападает, зажимает ей рот, наклоняет голову к воде... Убийце не потребовалось много времени, чтобы сломить сопротивление хрупкой пожилой женщины. Но зачем? Чего ради этот тип промышляет убийствами? И почему именно сейчас, накануне приезда в Санта-Клариту папы римского? Или это опять случайность? Не слишком ли много этих случайностей?

– Что это? – произнесла тем временем Эльке Шрепп, указывая на мутную воду фонтана. Николетта присмотрелась. В самом деле, на дне чаши что-то блестело.

– Вы подвергали место преступления осмотру? – задала вопрос Николетта. Родриго смутился. Именно это и входило в его обязанности.

Эльке, запустив руку в мутные воды фонтана, выудила небольшую изящную вещицу. Нико Кордеро присмотрелась. Нечто похожее на крупную пуговицу со вставкой из темно-зеленого с прожилками камня в золотом обрамлении.

– Запонка, – сказала Эльке Шрепп. – Золото и малахит. Ценная вещица, не так ли? Наверное, не так уж много жителей Санта-Клариты могут позволить себе нечто подобное. Запонка мужская, судя по размеру и дизайну. И долго ли она лежит в фонтане? Как она туда попала? Может быть, она соскользнула с манжеты убийцы в тот момент, когда он опускал голову несчастной сестры Пилар в чашу фонтана?

Николетта извлекла из кармана джинсов небольшой полиэтиленовый пакет, в который и была помещена запонка. Эльке тщательно прошарила фонтан, однако не нащупала ничего, кроме пары прошлогодних сгнивших листьев и склизкого налета на гранитной поверхности.

Родриго ужасно смутился, Нико видела, как молодой помощник комиссара Фелиппе Гарсиа покраснел. Ему это идет, мелькнула у нее мысль.

– Что же, нам необходимо узнать, кому принадлежит эта безделушка, – сказала Николетта. Затем, повернувшись к Эльке, которая с индифферентным видом смотрела на здание ратуши, промолвила: – У нас не так уж много времени. Я прибыла в чужой город с заданием найти убийцу или убийц двух монахинь и синьора историка. Одной мне будет сложно справиться с этим. Поэтому я заранее благодарна вам, Родриго, за помощь при проведении расследования. С вашим шефом я уже говорила на эту тему, он в любом случае войдет в импровизированную команду. И, кроме того... – Она повернулась к Эльке и заявила: – Думаю, есть смысл, чтобы и вы, госпожа комиссар, помогли мне. Вы – работник полиции, пускай и немецкой, обладаете бесценным опытом. Всего в течение нескольких минут нашли то, что местная полиция так бездарно прошлапила...

Родриго снова покраснел. Эльке, которая была сама до крайности заинтригована происходящим в Санта-Кларите, согласилась на предложение Нико немедленно. Ее вчерашнее желание уехать в Эльпараисо, а оттуда – домой в Гамбург прошло. Она задержится в провинциальном городке еще на какое-то время. И поможет Николетте. Возможно, затем представится возможность сойтись с Нико и поближе...

Конечно, Николетта Кордеро не могла знать обо всех мотивах, которые побудили Эльке Шрепп согласиться, однако ей было достаточно услышать короткий ответ:

– Сочту за честь. Все же приятно из разряда подозреваемых перейти в сыщики.

– Великолепно, – произнесла Николетта. – Значит, так, Родриго. Нам нельзя терять времени, однако мне хотелось бы знать, где я смогу остановиться и принять душ, а также перекусить. Наверняка этот же вопрос мучает и Эльке. У тебя на примете есть какой-нибудь отель? И вообще, у вас тут имеется отель или хотя бы постоялый двор?

Родриго Санчес произнес несколько обиженным голосом:

– Санта-Кларита – может, небольшой, но приспособленный к визитам туристов городок. К нам приезжает много паломников, которые хотят увидеть плачущую хрустальную статую Девы Марии. У нас есть великолепная гостиница.

– Ну и хорошо, – заявила Нико. – Веди нас туда. А потом нам нужно побывать на месте первого преступления, в монастырской капелле.

Родриго повинился и повел дам к гостинице. Эльке едва сдержала вздох разочарования, когда перед ее глазами предстало обшарпанное здание с шаткой лестницей и облезшей вывеской: «Отель «Империял». Что же она ожидала увидеть в Санта-Кларите, вряд ли пятизвездочный люкс?

Они получили два одноместных номера, молоденький портье выдал Николетте и Эльке ключи. Их номера располагались рядом, в одном коридоре. Обстановка была приемлемой, хотя

и скудной. Эльке зашла в ванную комнату и попыталась пустить воду. Душевой шланг зашипел, закапала тепловатая вода. Раздевшись, Шрепп ступила под струи. И в этот момент из сливного отверстия на полу вылезло непонятное существо. Комиссарша, которая как раз намылила голову, не сразу увидела его, она почувствовала прикосновения тонких лапок создания, которое пыталось залезть на ее стопу, дико заорала и голышом вылетела из-под душа, стряхивая тварь, что покусилась на нее. Это оказалась десятисантиметровая сороконожка отвратительного коричневого цвета. Членистоногое было не одно, вслед за ним из сливного отверстия вылезли все новые и новые шебуршащие существа.

Завернувшись в полотенце, с намыленной головой, с которой капала вода, Эльке вылетела в коридор и столкнулась с Николеттой, облаченной в халат.

– Эти твари! – крикнула Кордеро. Эльке заглянула к ней в комнату. У Нико не было проблем с сороконожками, однако на крошечном балкончике висело похожее на полусгнивший баклажан осиное гнездо. Вылетевшие из него насекомые с жужжанием кружили по номеру Кордеро.

Вызванный флегматичный портье, симпатичный молодой человек, заявил, что ничем не может им помочь. Он раздавил сороконожек, смыл остатки их трупиков водой и предложил Эльке продолжить водные процедуры.

– А ос я уберу сейчас, ничего страшного, – старался он успокоить Нико. Но комиссарши уже приняли решение, что отель «Империял» не подходит для проживания. Они ретировались. Родриго, который привел их в единственную в городе гостиницу, уже не было. Не поддавшись на уговоры Мигеля, Эльке и Нико оказались на улице.

– И куда мы теперь отправимся? – потрясая мокрыми волосами, частично еще в радужной пене, спросила Шрепп. Нико не знала, что и ответить. Прохожие с интересом смотрели на двух незнакомок, которые пребывали перед входом в гостиницу в полном неведении и беспомощности.

– Синьориты! – раздался знакомый голос молодого портье, который выбежал вслед за комиссаршами на улицу. – Подождите, прошу вас!

Николетта с любопытством посмотрела на молодого человека, точнее, еще подростка, вряд ли портье было больше семнадцати-восемнадцати лет. Мигель (так его звали, судя по табличке на отвороте старенькой, но чисто выстиранной рубашки) произнес на одном дыхании:

– Мне очень стыдно за то, что вы вынуждены покинуть наш отель...

– Ну да, отель, – фыркнула Эльке. Собственно, чего она хотела от Санта-Клариты? Это же не столичный рай Эльпараисо, где, если есть деньги, можно снять все, начиная от лачуги и заканчивая дворцом.

– К сожалению, хозяин совершенно не следит за состоянием нашего отеля, – не заметив саркастической улыбки Эльке, продолжал молодой портье. – Он говорит, что не намерен вкладывать деньги в ремонт этого заведения. И он прав, отдачи почти никакой, у нас туристов мало, в основном странники, которые хотят посмотреть на статую Девы Марии, но те приезжают на несколько часов, а потом отправляются восвояси...

Эльке смягчилась. Юноша явно желал им помочь и выражал свое сочувствие.

– И кто ваш хозяин? – спросила Николетта.

Портье охотно пояснил:

– Дон Пруденсио Ногера, наш градоначальник, чрезвычайно добрый и справедливый...

Эльке поняла, почему Фелиппе, племянник Пруденсио, велел Родриго отвести их в гостиницу, принадлежащую дядьке. Заботится о доходах семьи, что ли?

– Я живу здесь неподалеку, за ратушей, – продолжал Мигель. – И я точно знаю, что моя соседка, донна Магдалена, сдает комнаты. И очень недорого возьмет! Она – почтенная дама, правда, говорят, что колдует...

– Колдует? – переспросила Эльке, думая, что неверно поняла слова Мигеля.

– Ну да, – понизив голос, прошептал тот. – Ходят слухи, что донна Магдалена – ведьма. Она может гадать, предсказывать будущее, лечить от любого недуга и приворожить кого хочешь! Но вы не бойтесь, она не занимается черной магией!

– Хоть это радует, – произнесла Эльке, а Николетта спросила:

– И как у нее с удобствами? Наверное, тоже в водостоке гнездятся слизняки, а в комнатах – осы-мутанты?

– Что вы! – уверил их Мигель. – Донна Магдалена обожает чистоту, они с мужем не так давно завершили капитальный ремонт своего дома. Так что, если не возражаете, я могу провести вас к ней.

Эльке посмотрела на Николетту, та, в свою очередь, – на Эльке. У обеих мелькнула мысль, что предложение Мигеля не такое плохое. Вряд ли комнаты у донны Магдалены, по совместительству ворожеи и ведьмы, могут быть хуже, чем в отеле «Империял».

– Я вас провожу, – вызвался Мигель, и когда Эльке намекнула ему, что они не хотят отрывать его от работы, молодой человек только неопределенно махнул рукой. Портье провел их по узким улочкам Санта-Клариты, через пять минут они были около глиняной стены. Указав на нее, Мигель провозгласил:

– Тут я и живу... А донна Магдалена – справа от меня!

Эльке сразу понравился витой металлический заборчик, за которым виднелся приземистый особняк. Таким она и представляла себе собственный дом, когда выйдет на пенсию. Увы, вряд ли у нее будет достаточно денег, чтобы приобрести недвижимость в Коста-Бьянке.

Мигель отворил ворота, прошел во дворик и крикнул:

– Донна Магдалена, вы здесь?

В ответ на его крик из дома показалась массивная дама ростом никак не меньше двух метров. Великанша была облачена в просторный сарафан, а на ее шее ритмично покачивались бесчисленные бусы. Донне Магдалене было под семьдесят, однако ее волосы отливали чернотой январской ночи. Она производила впечатление суровой и неразговорчивой особы. Завидев, однако, Мигеля, Магдалена улыбнулась, и улыбка сделала ее морщинистое лицо привлекательным.

– Добрый день, донна Магдалена, – поздоровался юноша. – Вы ведь не возражаете, если я представлю вам двух дам, которые хотели бы снять у вас комнаты?

Магдалена наклонила голову, подошла к Эльке, вперила в нее взгляд. Шрепп поежилась, Магдалена точно читала ее мысли. Колдунья взяла ее за руку и произнесла глубоким контраalto:

– Не беспокойся, с твоей кошкой все в порядке.

Шрепп оторопело уставилась на Магдалену. Она ведь на самом деле в тот момент почему-то подумала о своей кошке, которая осталась в Гамбурге под присмотром ее напарника Йохана. Но откуда Магдалена узнала? Или это всего лишь стрела, которая по случайности попала в цель? Ведь Магдалена поняла, что Эльке – иностранка, наобум брякнула про кошку, и шансы, что она смутит незнакомого человека своим якобы пророческим даром, примерно один к двум или даже один к полутора.

Магдалена же тем временем изучала Николетту. Внезапно в лице бабки что-то дрогнуло, она снова улыбнулась, обнажив большие и на редкость крепкие зубы. Магдалена положила Николетте на плечо руку и сказала:

– Ты должна была рано или поздно приехать сюда. Это знак небес. Они тебя ждут!

– Кто? – встрял в разговор любопытный Мигель, но колдунья, повернувшись к нему, гаркнула: – Спасибо тебе, сын мой! Приходи сегодня вечером, я отсыплю тебе тапиоки.

А затем, обращаясь к Эльке и Нико, добавила:

– Проходите, я рада вам. И не беспокойтесь, в моих комнатах нет ос и сороконожек!

Эльке, не понимая, откуда бабка узнала и про это, последовала за Магдаленой внутрь особняка. На улице, где палило утреннее солнце, было жарко, в помещении же царила прохлада. Комнаты располагались на втором этаже: просторные, большие, благоустроенные. К каждой прилегалась своя ванная, и Эльке, бросив взгляд на белоснежный кафель, устыдилась мысли о том, что из слива могут вылезти противные сороконожки.

Цена была просто смешной. При этом Магдалена позволила постоялицам пользоваться громадной кухней, расположенной на первом этаже, и все это входило в стоимость комнат. Эльке даже заподозрила, что бабка почему-то хочет, чтобы они остались у нее, но та зыркнула на нее столь сурово, что Шрепп прикусила язык. Та что, телепатка?

– Ключей я вам не даю, – заявила Магдалена, – но они вам и не нужны. Я все время дома, так что можете приходить и уходить в любое время. И запомните: то, за чем вы приехали, ждет вас. Мы ждем вас!

Она повторила загадочную фразу. В сопровождении Мигеля комиссарши покинули дом колдуньи. Портье, которого явно что-то мучило, вдруг спросил:

– А правда, что вы приехали к нам из-за убийств?

И, не дожидаясь ответа, почтительно присвистнул. Заметив в глазах подростка азарт, Николетта ответила:

– Да, и ты – первый подозреваемый!

Портье закашлялся и в смущении уставился на комиссаршу.

Николетта продолжила:

– Ты послужишь полезную для общества службу, Мигель, если покажешь нам, во-первых, где живет твой хозяин дон Пруденсио Ногера, и во-вторых, – укажешь путь к монастырю.

– А это надо для расследования? – загоревшись, прошептал Мигель. – Как круто, слава богу, что грохнули этих монахинь! И старика Хорхе, говорят, сегодня ночью нашли в луже крови. Вот это да! Прямо как в американском триллере!

Неподдельная восторженность молодого человека, который радовался тому, что Санта-Кларита стала ареной смертоубийств, насмешила Эльке. Что ж, она сама родилась не в городе, а в крошечной деревушке, даже хуторе, в Шлезвиг-Гольштейне на самой границе с Данией. Там даже почетная смерть соседской курицы от старости была событием недели, а улетевшее во время урагана нижнее белье соседей, которое приземлилось на крыше дома родителей Эльке, стало темой для разговоров на весь следующий год.

– Если я могу вам помочь, то говорите, – продолжал Мигель. – Я умею так подслушать, что никто и не заподозрит, что я рядом. Или вот, например, эти американские археологи, или кто там они на самом деле...

Он привел их к большому дому с колоннами, в котором обитал глава местной администрации дон Пруденсио Ногера. Эльке отметила, что особняк выделяется среди прочих своей красотой и размерами. У мэра явно водятся деньги.

– Что за археологи? – спросила Николетта, а Мигель кивнул на параллельную улицу: – Да вот они, собственной персоной. Я многое знаю, меня же, портье, обычно не замечают, а вот я подмечаю многое. Зовут их Саманта и Виланд Бейкеры. Он, кажется, из Германии...

Эльке с любопытством посмотрела на соотечественника и его американскую супругу. Мужчине было порядком за пятьдесят, он, когда-то рыжий, теперь был почти лыс, только за ушами сохранились жалкие пряди огненных волос. Он был облачен в шорты и майку, причем не защищенные от солнца руки и ноги и даже обширная плешь были поразительно багрового цвета. Судя по всему, немецкий археолог склонен сразу же обгорать на солнце, но это его не волновало. Глаза его скрывали зеркальные солнцезащитные очки.

Впереди него, вышагивая, как гренадер, шла хорошо сложенная и красивая дама. Ее можно было бы назвать идеальной, если бы от нее не веяло всезнанием и небрежением ко всем

прочим. Да и черты лица у нее были слишком крупные, она походила на кариатиду, внезапно ожившую и покинувшую свое место под фасадом какого-нибудь старинного дома.

Дама повернулась к мужу, что-то крикнула, тот, отстававший, прибавил ходу, не желая вызывать нареканий. Эльке хмыкнула. Сколько раз нечто подобное она видела у себя в Гамбурге: некоторые гуляют с собачками, а кто-то выгуливает мужа.

– Они очень богатые, – сказал с некоторым сожалением Мигель. – Сначала, как и вы, хотели остановиться в гостинице, но даме не понравилась пара безобидных пауков на потолке. Она подняла такой скандалище! Живут в самом центре, сняли пустующую виллу, платят за нее ужас сколько!

– И что они у вас копают? – спросила Эльке, однако Мигель только пожал плечами. Удивительно, но молодой человек был не в курсе!

Затем портье указал им дорогу, что напрямик вела к монастырю Непорочного Зачатия, две монахини которого и стали жертвами убийства.

– Передавайте привет Витансьон, – сказал на прощание Мигель. – Она пока послушница, но скоро должна принять постриг. Она такая милашка! И зачем только в восемнадцать лет заживо хоронить себя в монастыре! Она мне так нравится...

Когда молодой человек, в который раз выразив свою готовность помочь комиссаршам, удалился опять на рабочее место, Эльке и Николетта кратко обсудили, чем сейчас займутся.

– Я считаю, что нам надо разделиться, – сказала Кордеро. – Это сэкономит время и силы. Ты достаточно хорошо говоришь по-испански, чтобы вести разговор. Поэтому нанеси-ка визит милейшему дону Пруденсио, местному алькальду, а я займусь проработкой монастыря. Кто знает, может быть, смерть двух сестер – не более чем сведение счетов между монахинями, ведь если жить вместе долгое время, зависеть друг от друга, то это рано или поздно приведет к взаимным обидам, ненависти и неадекватным поступкам.

На том и порешили. Эльке пошла к воротам особняка дона Пруденсио, а Николетта направила стопы в монастырь. Ей не пришлось долго идти, так как корпус монастыря располагался совсем рядом. Величественное здание, больше похожее на замок, было воздвигнуто из темного гранита, некоторые из флигелей, видимо, позднейшей постройки, из красного кирпича покрылись мхом и лишайниками. Николетта прошла в большой двор. Там суетились две монахини, которые пытались вытрясти гигантских размеров перину. У них ничего не получалось, так как одна, слишком полная, все время роняла концы перины, а другая, слишком худая, плакала и хныкала, жалуясь, что так они не вытрясут перину матушки и до второго пришествия.

– Не богохульствуй! – прикрикнула на нее здоровенная монахиня, в который раз уронив свой край перины на землю. – Что за наказание, прости Иисусе, и почему, когда надо трясти перину матушки, всегда на очереди мое имя?

Николетта подошла к монахиням, которые, увлеченные своим занятием, ничего вокруг не замечали. На зов Кордеро откликнулась корпулентная особа, которая оказалась сестрой Амарантой. Ее товарка, хилая сестра Миранда, притихла, слушая то, о чем говорит Николетта с Амарантой.

– Вы хотите видеть матушку-настоятельницу? – спросила полная монахиня. – Она наверняка занята, однако если это срочно...

– Я – комиссар полиции Николетта Кордеро, – сказала Нико. – И прибыла в ваш городок, чтобы выяснить причины гибели сестры Фернанды и сестры Пилар.

Нико решила действовать напролом, желая посмотреть, какой эффект произведут ее слова. Сестра Амаранта, скрестив руки на животе, ничего не ответила, только мускулы лица у нее напряглись, а вот сестра Миранда пискнула, и только что вытрясенная перина упала целиком на пыльный двор.

– Вы хотите поймать убийцу! – прошептала Миранда. – Он лишил жизни двух наших сестер! Какой ужас! Какой ужас!

Но словам сестры Миранды не хватало страсти и энергии. Она твердила их как заученную фразу. Амаранта рывкнула на Миранду:

– Голубушка, сестра, придется тебе одной вытрясать перину матушки, это ты виновата в том, что она снова в пыли!

Оставив Миранду один на один с периной, сестра Амаранта вызвалась проводить Николетту в кабинет к настоятельнице.

– Наша аббатиса, матушка Августина, добрейшей души человек, – вещала она, пока они поднимались по витой лестнице. – Она была ужасно шокирована этими убийствами! Ведь кто-то, как вам известно, похитил, помимо всего прочего, и дароносицу с гвоздем из голгофского креста! Какое святотатство! И все это накануне приезда...

Она осеклась, видимо, не желая выбалтывать главный секрет о приезде папы римского. Они оказались в приемной матери-настоятельницы. У Нико имелась информация касательно аббатисы: мать Августина, в миру Альберта Формоза, происходила из именитой, но бедной семьи. В возрасте двадцати пяти лет, почувствовав внезапное призвание служить Богу, Альберта ушла в монастырь. За тридцать лет она сделала хорошую карьеру, пройдя путь от рядовой монахини до настоятельницы монастыря Непорочного Зачатия.

Николетта не представляла себе, что у аббатисы, как и у министра, имеется своя приемная, в которой на телефоне сидит монахиня-секретарь. Более того, ее поразило то, что приемная оборудована по последнему слову офисной техники – плоский монитор бесшумно работающего компьютера, лазерный принтер, факсовый и копировальный аппараты, даже машинка для уничтожения бумаг. Все это резко контрастировало со средневековым обрамлением: каменные стены толстой кладки, строгое распятие из слоновой кости.

– Сестра София, – сказала Амаранта, с робостью входя в приемную. – Это госпожа комиссар из столицы, она приехала для расследования убийств несчастной Фернанды и Пилар. И она хотела бы встретиться с матушкой...

Сестра София, личный секретарь аббатисы, подняла глаза на Нико. Софии было чуть за тридцать, она отличалась несомненной красотой, а светлые глаза лучились умом и проницательностью. «Что привело ее в монастырь?» – подумала Николетта. Наверняка она могла бы сделать отличную карьеру в адвокатской фирме или рекламном агентстве. Но пути господни, как известно, неисповедимы....

– Можете быть свободны, сестра Амаранта, – доброжелательным, но арктически-ледяным тоном проронила София. Она явно держала себя выше других монахинь, и, как отметила Николетта, им это не нравилось. Амаранта, что-то пробормотав, исчезла. София, поднявшись из-за стола, протянула Николетте руку.

У Софии было крепкое, почти мужское рукопожатие, и неизвестно почему Нико подумала – а не могли ли такие же руки, руки сильной молодой женщины, обвить бельевой веревкой горло сестры Фернанды, затем удержать под водой городского фонтана голову сестры Пилар и наконец обрушить на затылок пожилого дона Фабида бронзовую статуэтку?

– Рада с вами познакомиться, комиссар Кордеро, – сказала София. Николетта отметила, что та уже знает ее фамилию. Интересно, но когда Амаранта представляла ее, то не произнесла имени, а только должность. Или руководство монастыря уже оповещено о ее визите? Странно, странно...

– Правильно ли я вас понимаю, что вы желаете говорить с матушкой? – продолжила София. Николетта ответила согласием.

– Увы, в данный момент матушка занята крайне важным разговором с нашим священником, падре Теренсио. Однако, разумеется, она изыщет время, чтобы принять вас. Вы же знаете, что в ближайшие дни в наш городок приедет с визитом его святейшество. Это безуслов-

ная честь, тем более что Ватикан сообщил: папа желает во что бы то ни стало нанести визит в Санта-Клариту, дабы лицезреть хрустальную Деву Марию, которая уже много десятилетий источает сама собой слезы. А после убийств и похищения дароносицы его визит оказался под вопросом...

Сестра София любезно предложила Николетте присесть. Кордеро опустилась не на жесткий стул, стоявший у стены (видимо, он предназначался для монахинь), а в мягкое кожаное кресло, которым, скорее всего, могли пользоваться прочие посетители аббатисы.

– Матушка примет вас в течение получаса, – сообщила приветливо София. – Хотите чего-либо прохладительного? Или, быть может, кофе?

Николетта попросила кофе с молоком, сестра София, извинившись, покинула свой пост. Воспользовавшись моментом, Кордеро оказалась в ее вертящемся кресле, открыла ящики стола. Бумаги, бумаги, бумаги. Несколько молитвословов, Библия. Ага, аббатиса ведет переписку со многими инстанциями. А вот это уже занимательно...

Какие-то экономические подсчеты, а внизу таблицы итоговая сумма – двадцать миллионов долларов. И откуда в провинциальном монастыре такие суммы? Затем, все время оглядываясь туда, где скрылась сестра София, Николетта вчиталась в текст письма, которое набирала для матушки ее секретарша. Кажется, все безобидно, какие-то внутривоспитательные дела.

Едва Нико уселась в свое кресло, как показалась сестра София с подносом, на котором были чашка с кофе и тарелочка с печеньями. Кордеро поблагодарила Софию, та снова разместила за компьютером. Николетта увидела, что София как-то странно посматривает то на нее, то на монитор. Или София поняла, что гостя копалась в документах и содержимом компьютера? Судя по всему, эта сестра София – не промах, ее просто так не проведешь.

Чтобы как-то сгладить неловкость, Николетта задала вопрос:

– Сестра София, а что вам известно об убийствах? Есть ли у вас предположения, кто мог совершить их? И каковы были эти погибшие монахини, из-за чего кто-то мог желать их смерти?

София, улыбнувшись, заметила:

– О, я понимаю, вы как истинный детектив должны задать вопросы свидетелям или подозреваемым. Эти смерти – пятно на репутации нашего монастыря, неслыханное и мерзопакостное злодеяние сатаны! Сестра Фернанда была ответственна за монастырскую библиотеку, сестра Пилар являлась ее помощницей. Кто мог поднять на них руку, остается для меня загадкой. Быть может, сестра Фернанда была чуть остра на язык, а сестра Пилар нудновата, но это не повод, чтобы лишать их жизни.

В словах сестры Софии Николетта не слышала интонации скорби, только отчаяние по поводу урона репутации монастыря Непорочного Зачатия. Сколько раз, проводя расследование среди сотрудников крупной фирмы или преуспевающего банка, она убеждалась – мало кто в действительности убивался по поводу смерти коллеги, все заботились об одном: выгородить себя и сохранить статус-кво. Монастырь – это тоже своего рода большое предприятие, тут полно своих тайн, которые кто-то любой ценой хочет сохранить в неприкосновенности.

– Значит, вы не можете сказать, кто бы мог желать их смерти? – протянула Николетта.

Сестра София парировала:

– Ведь вы для того и приехали к нам, чтобы выяснить это, не так ли? Я не собираюсь отбирать у вас ваш хлеб, госпожа комиссар. Сестру Фернанду могли убить как свидетельницу ограбления, ведь в ночь ее смерти из капеллы исчезла драгоценная дароносица, усыпанная самоцветами. Сестра Пилар могла стать жертвой как свидетельница, после убийства сестры Фернанды она ходила как в воду опущенная, у меня было такое впечатление, что она что-то знает, но не решается сказать... На теле сестер ведь не было обнаружено следов... следов непристойных мужских действий?

Николетта, понимая, что так София хочет выяснить, не стали ли монашки жертвами сексуальных преступлений, ответила отрицательно:

– Нет, сестра, тот, кто убил их, не покушался на их честь. За этим стоит что-то другое!

Дверь в кабинет матери-настоятельницы распахнулась, на пороге возникла молодая дама, облаченная в монашеское одеяние. Абатиса Августина отличалась аристократической красотой и старомодными, чуть вычурными манерами. На носу у нее сидели очки в тонкой стальной оправе. Мелодичным голосом она спросила, обращаясь к Николетте:

– Госпожа комиссар Кордеро? Я рада вас приветствовать под сенью нашей божеской обители. Приношу свои самые искренние извинения, что заставила вас ждать. Прошу вас!

Она протянула Нико руку, рукопожатие аббатисы было мягким, не то что у ее секретарши. Вряд ли эти холеные, не знающие физического труда ладони могли удержать под водой голову старой монахини.

Кабинет матери-настоятельницы был небольшим, но очень уютным и в то же время строгим. Большое окно выходило в монастырский сад, причем это позволяло не только наслаждаться живописным видом, но и держать под неусыпным контролем работу сестер-монахинь: кто и как полет огород, поливает деревья, кормит кроликов.

Николетту приветствовал пожилой худой священник с грустным выражением лица, отец Терен시오. В кабинете аббатисы было множество книг, в основном духовной и теологической тематики, а на столе возвышался ноутбук. Надо же, прогресс проложил свой путь даже в келью отдаленного монастыря в Санта-Кларите!

– Прошу вас, – пригласила ее жестом в кресло настоятельница Августина. – Итак, госпожа комиссар, вы прибыли из-за смерти несчастных сестер Фернанды и Пилар? Я хочу во что бы то ни стало найти того нечестивца, который лишил жизни сих овечек Божьих! Он понесет и Божеское наказание, ведь, пойдя на убийство, он отринул Божьи заповеди. Но он должен предстать и перед человеческим судом, чтобы испытать на себе всю тяжесть собственной вины!

– Он – или она, – сказала Нико, и аббатиса вздрогнула. К чему эта речь – или Августина хочет сделать акцент на том, что убийца – мужчина и соответственно женский монастырь и его обитательницы не имеют к преступлению никакого отношения?

– О, я не думаю, более того, я уверен, что никто из монахинь не мог пойти на такое жуткое злодеяние, – подал голос отец Терен시오. – Насколько я в курсе, способ убийств исключает причастность к ним женщин.

– Я еще не говорила об этом с экспертом, – честно призналась Кордеро. Похоже, в монастыре все заодно и придерживаются единой линии: преступление совершил пришелец извне, монахини к нему не причастны.

– Кроме того, кто-то похитил дароносицу, – продолжила мать Августина. Она подошла к сейфу, вынула из него несколько цветных фото. На них Николетта увидела золотой ковчежец, украшенный сияющими камнями белого, зеленого, красного и синего цветов.

– Ее сделал наш местный ювелирный гений, Альваро Мендоза, – сказал внезапно заерзавший в кресле отец Терен시오. – Так сказать, Леонардо да Винчи нашего городка. Он жил в девятнадцатом веке...

– Но самое страшное, что дароносица хранила в себе гвоздь животворного креста с Голгофы, которым был распят Иисус, – вздохнула Августина. – На что только не пойдут коллекционеры, чтобы заполучить подобные сакралии. Но следуя за золотым тельцом, они ввергают себя в руки искусителя рода человеческого!

Отец Терен시오 тяжело вздохнул и прибавил:

– Да, сейчас времена изменились, ради денег каждый готов пойти на все. И задаешься поневоле вопросом – не настал ли час расплаты, не грядет ли Страшный суд?

Монашки в саду трудились не покладая рук, видимо, они знали, что мать-настоятельница, аки Цербер, стережет их. Августина изъявила полную готовность помочь расследованию и не имела ничего против того, чтобы Николетта осмотрела кельи погибших монахинь, их рабочее место – библиотеку и капеллу, откуда была похищена дароносица.

Первым делом они направились в капеллу, где и располагалась святыня городка – хрустальная статуя Девы Марии. У Николетты сложились неоднозначные отношения с Богом и с религией. Она не посещала церковь, не соблюдала обряды и, насмотревшись во время своей работы на множество человеческих трагедий, разуверилась в том, что кто-то, великий и милосердный, мог бы допустить такие страсти и равнодушно взирать сверху на мучения и ошибки чад, созданных по подобию своему. И все же...

И все же иногда в ней вспыхивала мысль – может быть, вопреки здравому смыслу и логическим рассуждениям все правда, о чем говорит церковь? Но порыв быстро проходил, и Николетта снова погружалась в пучины неверия.

Однако это не мешало ей восхищаться красотой, созданной руками человеческими во славу Божию. Войдя в капеллу, она попала с яркого света во тьму. Глазам понадобилось какое-то время, чтобы привыкнуть к полумраку. Где-то по бокам горели мириады свечей. А впереди, в скальной нише возвышалась она – Дева Мария.

Словно зачарованная, Николетта медленно шла к статуе. Небольшая, размером не более метра, она словно парила в сгустившемся свинцовом воздухе. Фигура была сделана из единого кристалла горного хрусталя и изображала светящуюся от радости мать, держащую на руках новорожденного. Мастерство неизвестного ваятеля было безграничным, ему удалось передать одновременно человеческие эмоции и нечеловеческий, божественный свет, идущий от лица той, что подарила миру Спасителя.

– Это ведь чудо, не так ли? – раздался приглушенный голос матери Августины. – Я столько раз на дню спускаюсь сюда на протяжении уже двадцати лет и каждый раз испытываю восторг!

Николетта присмотрелась. По щекам статуи в самом деле струились слезы. Хрустальная Дева плачет! И это верующие почитают чудом и доказательством бытия Божия. Николетта бросила взгляд на некое подобие алтаря, возвышающегося перед нишей со статуей. Подоспевший отец Терен시오 сказал:

– Тут и стояла дароносица. А тело сестры Фернанды нашли на выходе из капеллы. Как страшно, ведь так?

Экстаз прошел, Николетта принялась за осмотр места преступления. Мать Августина, сославшись на срочные дела, удалилась, обещая прислать одну из монахинь, которая проводит Николетту в кельи убиенных. На полу капеллы все еще сохранился меловой след тела удушенной монахини. На Фернанду напали сзади, кто-то набросил ей на шею кусок бельевой бечевки, затянул – и лишил сестру жизни. Сделать это было не так сложно. Эксперт, исследовав микроволоски на шее жертвы, неопровержимо установил, что та, которой пользуются монахини для развешивания белья в монастыре, и бечевка, которая захлестнулась на шее сестры Фернанды – одинаковые. Кто-то отрезал от мотка веревки кухонным ножом примерно полтора метра и использовал это для бесчеловечного акта насилия.

– Сестра Фернанда была такой работящей, – говорил тем временем отец Терен시오, стоявший неподалеку. – В монастыре, несмотря на радостное ожидание визита его святейшества, царит атмосфера страха и подозрительности.

– А вы, святой отец? – задала вопрос Николетта. – Что вы думаете по поводу убийств? Кому бы я ни задавала этот вопрос в монастыре, все пытаются свалить вину за преступления на нечистого. Не знаю, демонология – не моя специализация, но убийства совершил человек, пускай и подгоняемый внутренними бесами.

Священник снова тяжело вздохнул и ответил:

– Я не знаю, кому могла повредить сестра Фернанда. Видимо, она в самом деле стала жертвой богохульника, который украл дароносицу. Наверняка эта драгоценность стоит баснословных денег, а реликвия, которая хранится в ней – гвоздь от Креста Господня, – вообще бесценна. Но если вы намекаете на распри между сестрами... Не буду скрывать, сорок женщин, которые изо дня в день живут бок о бок почти двадцать четыре часа в сутки и не имеют практически никаких контактов с внешним миром, подчас склонны затаивать мнимую обиду. Но я не думаю, что кто-то из монахинь решился бы на такое. Я знаю каждую из них, многих не первый год, и могу вас уверить, никто бы не посмел нарушить заповеди.

Они вышли тем временем наружу и оказались на территории небольшого кладбища. Кордеро увидела строгие кресты и могильные плиты, под большинством из которых покоились бывшие обитательницы монастыря Непорочного Зачатия. Ее внимание привлекло необычное захоронение – вместо плиты или креста над землей возвышалось некое подобие египетской пирамиды, только в сильно уменьшенных размерах.

Николетта отметила, что священник был рад сменить тему. Ну что же, она тоже понимает: вряд ли женщина совершила три убийства, каждое из которых требовало определенных физических усилий. А вот мужчина? Но подозреваемыми были монахи, из их числа происходили и две первых жертвы. И как это упустили из виду, что в монастыре есть все же мужчины, а именно отец Теренсио. Он здесь не живет, однако наверняка знает все тайны и местные сплетни. Священник вполне мог поссориться с монахинями, или те могли случайно стать свидетелями того, что для их глаз не предназначалось. Во всяком случае, падре вполне силен, чтобы удушить или утопить беззащитную монашку, а также опустить на череп старику бронзовую статуэтку.

Кордеро в сопровождении священника остановилась перед захоронением. Николетта напрягла зрение. На позеленевшей грани пирамиды было начертано: «Здесь покоится Альваро Мендоза, появившийся на свет 13 сентября 1800 года и призванный Создателем в Пасхальное воскресенье года 1874-го. Он был изобретателем, поэтом и добрым католиком. Все свои секреты он унес с собой в могилу».

– Альваро Мендоза, наш провинциальный гений, – сказал священник. – И что самое удивительное, каждое слово в этой эпитафии, которую он выдумал для своей могилы, соответствует действительности. Он был изобретателем, именно он изготовил, например, ту самую дароносицу, которую украли из капеллы, а также еще кое-какие драгоценные безделушки. Способствовал проложению первого в Санта-Кларите водопровода, выступал за введение всеобщего школьного образования, в том числе и для негров, которые были тогда рабами. Помогал церкви как мог, после разрушительного пожара монастырь был восстановлен именно по его чертежам.

Николетта в задумчивости посмотрела на гранитную пирамиду. У нее мелькнула смутная мысль, но она так и не могла понять, в чем же дело. Как будто лицо ей овеял ветерок...

– Вам же известно, во времена гражданской войны и правления императора Сильвио нашей стране пришлось многое пережить, годы были беспокойные, – вещал священник. – И монастырь оказался в самом эпицентре событий. Ах, ну эти поросшие паутиной истории годы никому сейчас не интересны. Впрочем, вот и сестра Урсула, наш добрый ангел!

К ним спешила низенькая сдобная монашка, которая доставала Николетте, и так не особо рослой, едва до плеча. От нее веяло оптимизмом и уверенностью.

– Ах, прошу прощения, – всплеснула она руками. – Вы уже заждались меня? Матушка сказала мне, что вы хотите осмотреть кельи сестры Фернанды и сестры Пилар. Конечно же, я покажу вам их комнаты!

– Без сестры Урсулы, которая заведует хозяйством в монастыре, мы бы давно потерпели крах, – сказал падре Теренсио. – И как это у вас только получается, сестра, одновременно

проводить экскурсии, следить за приготовлением обеда, заглянуть в прачечную, надзирать за огородом, позаботиться о кроликах и... И уж не знаю, что еще!

Сестра Урсула рассмеялась, лучистые морщинки появились у нее в уголках глаз.

– Святой отец, вы мне льстите, а лезть, как вы знаете, есть оружие нечистого! На все у нас Божий промысел. Я делаю то, что в моих силах!

Они оказались в монастырских стенах, поднялись на второй этаж, прошли в отдаленное крыло, где жили монахини. Николетта подумала, что обстановка и антураж келий больше походят на тюремные камеры. Кордеро знала – после обнаружения тел монахинь кельи уже обыскали, однако ничего не нашли. Впрочем, и в фонтане тоже ничего не нашли, а Эльке выудила оттуда запонку.

Нико осмотрела немногочисленный скарб сестры Пилар и сестры Фернанды. Несколько пар заштопанного чистого белья, неременная Библия. У сестры Фернанды имелось еще несколько книг. Все на философские темы. Странно, а что делает среди них справочник-каталог по церковным раритетам? Он был явным диссонансом в по-спартански обставленной келье пожилой монахини.

Кордеро открыла справочник, тот развернулся посередине, видимо, эту страницу часто смотрели, книга даже выгнулась. Ого, изображение той самой дароносицы, которая была похищена в ночь убийства сестры Фернанды. И на ней стоит крестик.

Николетта пролистала каталог, обратив внимание, что он – не из монастырской библиотеки, которой заведовала сестра Фернанда, а из городской библиотеки Санта-Клариты. Очень занимательно, необходимо сейчас же навести справки, чем еще интересовалась убитая монахиня.

Она обнаружила еще три фотографии, которые были помечены крестиками. Распятие, чаша и ларец. Добрая сестра Урсула, слава богу, удалилась, сказав, что ей надо спуститься в подвал и проверить, как идет починка канализационных труб, поэтому Николетта могла и не спешить.

Вслушиваясь в отдаленный шум, Кордеро опустилась на застеленную белой простыней кровать. Странно, ощущение такое, как будто хозяйка сейчас войдет. А на самом деле сестра Фернанда мертва, кто-то придушил ее обрезком бельевой веревки.

Николетта попыталась найти то, что объединяет все эти четыре предмета. Дароносица сделана из золота, украшена разнообразными драгоценными камнями и до недавнего времени находилась в капелле монастыря. Распятие изготовлено из серебра, слоновой кости и оникса, находится в частной коллекции, как гласит текст под фотографией. Чаша сработана из золота и серебра, украшена библейскими мотивами, в данный момент выставлена в экспозиции в столичном музее. И ларец: золото, платина, эбеновое и черное дерево, эмаль, лазурит и амазонит. В частном владении без фамилии хозяина.

И все же один общий момент был: все четыре предмета изготовлены в конце шестидесятых – начале семидесятых годов девятнадцатого века одним и тем же мастером. Тем самым, который покоится под пирамидой на монастырском кладбище, – Альваро Мендозой.

Что же получается, думала Николетта, кто-то охотится за предметами, сделанными золотых дел мастером и изобретателем из Санта-Клариты? Зачем? Но есть же чокнутые коллекционеры, которые готовы выложить любые деньги за возможность обладания тем или иным шедевром. Ваяния Мендозы, безусловно, ценны, они сделаны из дорогих материалов, однако по большому счету это не такой уж раритет, кроме того, они не такие уж старые, им нет и полутора лет, и изготовил их не всемирно знаменитый ювелир, а малоизвестный провинциальный чудаков.

Николетта нашла в каталоге еще два предмета, вышедших из-под руки Альваро Мендозы. Канделябр и крест. Однако эти вещицы не были отмечены крестиком. Отмечены кем? Наверняка покойной сестрой Фернандой.

Для чего монахиня это сделала, пока было не ясно. И сообщить правду она не может, так как убита. Николетта снова вернулась к мысли, которая пришла к ней еще в капелле, когда она думала о том, как произошло убийство сестры Фернанды.

Ее задушили, использовав кусок бечевки. Получается, что тот, кто совершил убийство, должен был иметь доступ к монастырской прачечной. И главное – тот, кто убил сестру, уже ждал ее в капелле с орудием убийства. Если бы грабитель, застигнутый монахиней врасплох, попытался под действием эмоций избавиться от ненужной свидетельницы, то он использовал бы для этого первое попавшееся под руку средство – или то оружие, которое у него имелось. Он бы стукнул старушку по голове тем же самым ковчезцем, или булыжником, или еще чем-то. Но если он применил бечевку, которая была предварительно отрезана от мотка, хранящегося в монастыре, это свидетельствует об одном: убийство сестры Фернанды планировалось. Планировалось заранее и вне зависимости от кражи дароносицы.

Возможно, и дароносица была украдена для того, чтобы создать видимость убийства как следствия ограбления. Но надо учесть то, что, по всей видимости, этот же убийца лишил затем жизни еще двух человек, не заботясь уже о какой бы то ни было инсценировке (старика Хорхе Фабидо тоже ограбили, в его особняке в самом деле что-то целенаправленно искали, выпотрошив письменный стол и разметаив все книги).

Николетта вдруг интуитивно почувствовала, что находится на верном пути. Значит, все убийства, которых на нынешний момент три, связаны каким-то образом с кражей дароносицы и личностью умершего сто тридцать с лишним лет назад Альваро Мендозы.

Сестра Фернанда была библиотекарем, а сестра Пилар – ее помощницей. Старик Хорхе Фабидо был местным историком и краеведом. Все это тоже как-то взаимосвязано. И упирается в того, кто велел похоронить себя под пирамидой на монастырском кладбище.

Николетта прихватила каталог из кельи сестры Фернанды. Нужно проверить, не были ли украдены и другие вещи из отмеченных крестиком. Подросла сестра Урсула, которая жаловалась на то, что рабочие в подвале никак не могут исправить неполадки. Маленькая монахиня засемила к выходу. Кордеро по наитию спросила ее:

– Сестра Урсула, а что вы думаете об убийстве двух ваших монахинь?

Та, посмотрев на Нико, честно ответила:

– Боюсь, дочь моя, что это дело рук кого-то из монастырских. Кого-то из тех, кого я знаю и с кем встречаюсь каждый день.

Первый раз за этот день Николетта получила неожиданный и, что самое важное, весьма перспективный по своей сути ответ. Сестра Урсула, как поняла Николетта, была далеко неглупой женщиной, возможно, необразованной, однако наделенной природной смекалкой и живым воображением.

– И почему вы так думаете, сестра? – спросила Нико.

Та объяснила:

– Потому что больше это сделать некому, дочь моя. Монахини никому не мешали, раз их убили, то убийц следует искать среди их окружения. Скажу честно, я все же иногда смотрю детективные фильмы и читаю книжки. Сестра Фернанда и сестра Пилар не стали жертвами насилия, кроме того, подозрителен выбор: убиты две монахини, которые работали в библиотеке.

– Вы кого-то подозреваете? – задала вопрос Нико, но сестра Урсула только воздела к небу глаза и ответила:

– Бездумно высказанное обвинение есть грех. Я могу только рассказать вам, дочь моя, о том, кто был в друзьях у убиенных, а кто, напротив, относился к числу их врагов. Увы, даже в доме Христовом, коим является любой монастырь, неизбежно царят не только положительные, но и отрицательные эмоции.

– Выслушаю вас с удовольствием, сестра, – сказала Николетта Кордеро.

– Злословить вредно, но еще вреднее позволять проливать понапрасну кровь добрых христиан, – заметила нравоучительно малышка-монахиня. В ее словах было столько жара, что Николетта поняла: сестра Урсула истово верит в то, что говорит.

Сестра Урсула, забыв о насущных монастырских проблемах, произнесла:

– Покойная сестра Фернанда была несколько трудным в общении человеком. Высокомерной и себялюбивой, если честно сказать. Она происходила из древнего испанского рода и всегда ссылалась на это, как будто сие обстоятельство каким-то образом делало ее особым человеком. Я, например, крестьянских кровей, мне непонятны претензии сестры Фернанды. Она была на ножах с сестрой Софией, секретаршей матери-настоятельницы. Из-за чего конкретно – не знаю, однако они друг друга стоили: обе норовили сделать карьеру. Словно забыли, что монастырь – это не адвокатская контора! Фернанда разругалась незадолго до гибели с послушницей Витансьон, которая желает принять вскоре постриг. При этом Фернанда заявляла, что Витансьон недостойна этого! Почему она так взъелась на бедную девушку, ума не приложу!

Николетте стало понятно: сестра Фернанда не пользовалась любовью прочих монахинь. Может, ее все же убил кто-то из монастыря?

Урсула продолжала:

– Сестра Пилар находилась под влиянием сестры Фернанды, ее непосредственной начальницы. Сестру Пилар все уважали, но никто не любил. Она была тиха, занудна до ужаса и очень наблюдательна. Правда, прикладывалась излишне часто к бутылке с виноградным вином, но что поделаться... Любила подслушивать чужие разговоры и собирала сплетни. Неблагодарное занятие, скажу я вам! Зато если кто-то хотел узнать последние новости, как официальные, так и неофициальные, то всегда обращался к сестре Пилар. Мне кажется, ей нравилось коллекционировать всю эту словесную муть, а потом использовать против своих врагов или против врагов своей покровительницы и патронессы Фернанды.

Сестра Урсула замолчала, увидев нескольких монахинь, которые шли по тропинке. Наверняка ей не хотелось, чтобы те знали, о чем именно она беседует с комиссаром полиции. Николетта заприметила красивую девушку, которой что-то втолковывала уже известная ей полная сестра Амаранта.

– Это и есть Витансьон, – сказала Урсула. – Бедняжка, она из нищей семьи, у нее столько младших братьев и сестер! Вот родители и настояли на том, чтобы она ушла в монастырь, одним ртом меньше! – Подождав, пока процессия скроется из виду, Урсула продолжила: – Так вот, Пилар знала все и обо всех. Например, несколько лет назад, когда ей стало известно, что одна из сестер тайно встречается с мужчинами, она немедленно донесла об этом аббатисе. Она прикидывалась божьей овечкой, а на самом деле обожала интриговать, служила верой и правдой Фернанде! Посмотрите, рядом с Витансьон идет сестра Амаранта, она тоже не жаловала Пилар, та как-то пожаловалась матушке Августине, что Амаранта по ночам тайком поедает запасы из монастырского погреба.

Амаранту Николетта уже знала. Урсула указала на другую монахиню, еще не старую, долговязую, с носатым крысиным личиком:

– Сестра Лукреция, копия Пилар по характеру, такая же сплетница и пронира, поэтому и не выносила несчастную, Пилар платила ей той же монетой. Старались друг на дружку донести и очернить в глазах аббатисы. Скверные особы, что одна, что другая!

Сестра Лукреция обернулась, ее длинный нос дрожал от любопытства, и Николетте показалось, что монахиня пытается услышать, о чем же говорит с ней Урсула. Наверняка сожалеет, что не может уловить сути.

– Видите, она так и норовит быть в курсе всего, – произнесла сестра Урсула. – А четвертая с ними, эта седая сторбленная дама, сестра Агнесса, наша пифия. Ей под девяносто, она не в себе, однако уверяет всех, что у нее бывают пророческие видения. После первого убийства

она заявила, что этим не ограничится, и, представьте себе, ткнула пальцем в сестру Пилар и сказала, что та – следующая! Как в воду глядела, и через день Пилар утопили в фонтане...

Урсула перевела дух. Николетта Кордеро проводила внимательным взглядом группу монахинь. Значит, сестра Агнесса была уверена, что Пилар станет жертвой убийцы. Так и произошло. Сама старуха была бы не в состоянии совершить убийство, но это не исключает, что ей что-либо известно. Нужно с ней побеседовать.

– И все же сестра Пилар была лицемерной особой. О мертвых или хорошо, или ничего, как частенько повторяет матушка-настоятельница, но, по моему мнению, сестра Пилар не заслуживает того, чтобы ее славословили после смерти. Однако такой страшной участи она не заслужила, да смилостивится Господь над ее грешной душой!

Николетта подумала: неужели вездесущая Пилар знала что-то и о сестре Урсуле? Но какие тайны могут быть у этой крошки? Во всяком случае, убить двух рослых монахинь, которые были в два раза выше и раза в три тяжелее ее, она никак не могла.

– Пилар, например, как-то донесла матери-настоятельнице, что я краду кроликов и продаю их на базаре. Какая чушь! Не знаю, зачем Пилар такое наплела, скорее всего ее науськала Фернанда.

Ага, вот в чем дело, поняла Кордеро. Поэтому-то Урсула так и откровенна.

– И вот что интересно, – промолвила монахиня. – Незадолго до смерти Пилар намекнула мне в разговоре, что ей стала известна какая-то потрясающая тайна! Беда Пилар была в том, что она не умела держать язык за зубами. Однако стоило мне спросить, что это за тайна, как она замолчала. А потом бедняжку убили...

– И она даже не намекнула, что именно узнала? – спросила Николетта Кордеро.

Монахиня прошелестела в ответ:

– Не хочу ничего утверждать, но эта тайна каким-то образом связана с матерью-настоятельницей, аббатисой Августиной. Пилар сказала об этом, но больше мне ничего не известно!

Так ли это? Нико не знала. Вытрясти что-то еще из говорливой Урсулы она не смогла. Ту позвал один из рабочих, который ремонтировал трубы в подвале, и монахиня, пожелав Кордеро хорошего дня, исчезла.

Николетта взглянула на часы. Время сиесты. Пора справиться у комиссара Фелиппе Гарсиа, как идут дела, и поговорить с медиком-экспертом. Кордеро снова миновала кладбище и заметила, что около могилы Альваро Мендозы замерла чета археологов – американская жена и немецкий муж. Они о чем-то тихо переговаривались, и супруг делал пометки в большом блокноте.

Итак, что ей известно? Чем больше она получала сведений, тем больше все усложнялось. Мотивы убить Фернанду и Пилар были у многих, нужно еще узнать, у кого имелся зуб на синьора Хорхе Фабида. Но кто хотел, чтобы умерли все трое? Или связи между двумя первыми и последним убийством нет? И при чем здесь пометки в каталоге церковных ценностей и личность изобретателя и ювелира Альваро Мендозы, скончавшегося в Пасхальное воскресенье года 1874-го?

Николетта подошла к захоронению местного «Леонардо да Винчи». Археологи поздоровались, и Николетта заметила, как муженек проворно спрятал блокнот в карман шортов. И что они здесь делают?

– Удивительное место, не правда ли? – сказала, сладко улыбаясь, Саманта Бейкер испански с сильным американским акцентом. Что-то не нравилось во внешности и поведении этой дамы Николетте. Она не могла четко сформулировать, но эта красавица какая-то слишком... Слишком ненастоящая.

Эльке Шрепп позвонила в ворота особняка донна Пруденсио Ногеры. Пришлось подождать; наконец дверь раскрылась, на пороге появилась молодая девчушка в переднике, служанка или горничная, державшая в руке мухобойку.

– Могу ли я поговорить с доном Ногера? – спросила ее Шрепп. Девушка исчезла, ничего не ответив, затем в дверях появилась полнокровная вальяжная дама. Оглядев Эльке с ног до головы, она произнесла:

– Убирайся отсюда, дрянь! Я не потерплю, чтобы любовницы моего муженька заявлялись ко мне в дом! Пошла прочь!

Подросла девчушка, которая подала даме, судя по всему, жене господина мэра, ведро. Эльке никак не ожидала, что донна Ногера окатит ее грязной мыльной водой, но именно так и произошло. Дверь с треском захлопнулась, затем снова распахнулась, и разъяренная жена градоначальника завопила в лицо ничего не понимающей онемевшей Эльке:

– Катись отсюда, кому я сказала, а не то...

Шрепп побежала прочь, не желая узнать, что же еще ей грозит: быть побитой веником или получить по голове мухобойкой. Она злилась на саму себя и на жену Пруденсио Ногеры, по вине которой ее майка и джинсы пропитались грязной водой и благоухали помоями.

Эльке столкнулась с высоким и красивым господином, облаченным, несмотря на жару, франтовато, в белый костюм, белый же галстук, в котором сверкал красный камень, и огромное сомбреро. Лихо подкрученные усы и сладострастные полные губы дополняли картину. Господин улыбнулся Эльке и спросил, удерживая ее за руку:

– Прекрасная синьорита, в чем дело, что произошло, вас кто-то обидел? Скажите мне, кто, и я накажу этого безумца! Ради ваших бездонных глаз!

Шрепп ответила:

– Меня только что облила помоями сумасшедшая особа из этого дома, – и она указала на особняк Пруденсио Ногеры.

Галантный джентльмен несколько сник, а затем признался:

– Тогда вы столкнулись с моей женой, донной Камиллой Ногера. Мои соболезнования, прекрасная незнакомка!

Значит, перед ней предмет ее поисков, синьор мэр. Судя по всему, он направлялся домой обедать: быть главой Санта-Клариты являлось не таким уж обременительным занятием.

Ногера приобнял Эльке за талию и прошептал:

– Простите ее, она вздорная женщина, потому-то я так несчастен в браке! Камилла не понимает меня и моих порывов и почему-то думает, что я изменяю ей с первой встречной!

Судя по тому, что рука ловеласа уже спускалась по талии Эльке в направлении бедер, подозрения Камиллы были небеспочвенны. Дон Пруденсио, как поняла Эльке, считал себя истинным мачо, в обязанности которого входило как минимум сделать комплимент каждой прелестной даме и как максимум оказаться с ней в постели.

– Прошу вас, дон Пруденсио, – высвободилась из его объятий Эльке. Надо же, и когда ее в последний раз обнимал мужчина? Кажется, подобный грех был на заре туманной юности.

Эльке услышала, как дверь особняка снова с грохотом распахнулась, волосатая лапа донна Пруденсио мгновенно исчезла с ее ягодицы, мэр отпрянул в сторону. А жена его отлично выдрессировала!

На всех парах из дворика вылетела Камилла Ногера. Заметив Эльке, она открыла рот и протрубила:

– Так ты еще здесь! Что я тебе сказала, пошла прочь! Или ты думаешь, я должна перед окнами своего дома наблюдать, как мой муж тебя соблазняет?

Мэр, приосанившись, заявил:

– Дорогая, это совершенное недоразумение. Я знать не знаю эту даму. Кстати, как вас зовут?

– Эльке Шрепп, комиссар криминальной полиции города Гамбурга, – ответила Эльке. Камилла, которая была готова обрушиться на Шрепп и мужа новой порцией обвинений, внезапно переменилась в лице, буря немедленно улеглась, и из бешеной фурии дама превратилась в милую светскую львицу.

Дон Пруденсио тоже переменился в лице, Эльке отметила, что градоначальник несколько побледнел. В чем же дело, они чего-то боятся? Наверняка весть о том, что немецкая комиссарша обнаружила накануне ночью тело синьора Фабида, а затем вошла в команду по расследованию преступлений в Санта-Кларите, разнеслась по городку в считанные часы.

– Так вы и есть та самая немецкая комиссарша? – придя в себя, сказал Ногера. В глазах у него застыл страх.

Камилла как ни в чем не бывало подплыла к Эльке и сказала:

– Моя дорогая, это такая для нас честь! Как я рада, что вы зашли к нам! Мы с Пруденсио будем очень рады принять вас у себя! Извините за безобразную сцену, но это виновата... Виновата...

Камилла ткнула пальцем в раскрытую дверь, в проеме которой находилась девочка-служанка.

– Она виновата! Испортила чудный наряд нашей гостье! Ну пойдете же в дом, а то начинается самое пекло, мы угостим вас обедом!

Эльке, усмехнувшись, проследовала за Камиллой в особняк Ногера. Как же удивительно, что еще секунду назад эта особа была готова растерзать ее, а едва стало известно, что она – комиссар полиции, так все изменилось. Дон Пруденсио обрел прежнее самообладание и снова превратился в балагура и весельчака.

Комиссарше предоставили новую одежду, а грязную велели служанке немедленно кинуть в стиральную машинку. Особняк был обставлен богато, донна Камилла предпочитала все самое яркое и дорогое. Эльке отказалась от обеда, однако с радостью приняла предложенные прохладительные напитки.

Чета Ногера была само гостеприимство. Если бы Эльке не пережила совсем недавно фантазмагорическую сцену, то ни за что бы не поверила, что донна Камилла способна плеснуть в лицо незнакомке помой из ведра.

– Вы нашли тело бедняги Фабида? – перевел наконец разговор на животрепещущую тему мэра Санта-Клариты. – Наверняка грабители, черт их дер! Я уже просил моего племянника Фелиппе бросить все силы на раскрытие этого убийства...

Дон Пруденсио не видел ни малейшей связи между тремя смертями.

– Помилуйте, моя дорогая, первую монашку убили, когда пытались украсть дароносицу, вторая напилась и сама захлебнулась в фонтане, а дон Хорхе всегда хвастался, что у него полно ценных вещей, жил в одиночестве на отшибе, вот и поплатился за свою беспечность.

Эльке так не думала. Три убийства связаны, но только каким образом? Пруденсио Ногера тем временем вещал о том, что вечером он устраивает у себя в особняке небольшой прием.

– Будут археологи Бейкер, а также наша дама-инвестор из столицы, синьора Сивилла. Так что приходите, прошу вас, милая Эльке!

Он накрыл ее ладонь своей рукой, воспользовавшись тем, что Камилла покинула зал, чтобы дать нагоняй служанке. Шрепп хотела было отклонить приглашение и стряхнуть руку назойливого донжуана, но тут ее внимание привлекли манжеты Ногеры.

Белоснежные манжеты рубашки щеголеватого мэра Санта-Клариты были украшены массивными запонками – чеканное серебро и фиолетовый камень с черными прожилками. Кто в наши дни носит запонки? Не так уж и много людей... А одну из подобных запонок она обнаружила в фонтане, в водах которого некто утопил сестру Пилар.

Эльке, извинившись, вышла из гостиной. Она быстро сориентировалась в расположении комнат, спальня хозяина на втором этаже. Эльке бесстрашно зашла в спальню, прикрыла за собой дверь. Огромная кровать, туалетный столик, шкатулка.

Драгоценности Камиллы – и запонки Пруденсио. У него было не меньше десятка пар. И только у одной запонки – золотой с малахитовой вставкой – не хватало пары. Потому что вторая запонка находилась в полиэтиленовом пакете у Николетты.

Одна запонка в спальне Пруденсио, а вторая в фонтане под водой, в которой убийца продержал голову несчастной монахини. Случайность ли это? Пруденсио всегда может сослаться на то, что потерял запонку и произошло это уже после убийства. Мало ли каким образом она оказалась в городском фонтане, кто-то мог найти ее на тротуаре и бросить в воду.

Эльке закрыла шкатулку и покинула спальню. Значит, Пруденсио вполне может быть причастен к убийствам. Или его жена? Она дама крупная и, как убедилась Эльке, склонная к решительным и импульсивным поступкам. Такая могла запросто и придушить, и утопить, и статуэткой по голове шархануть.

Шрепп вернулась в гостиную. Она замешкалась на пороге и уловила тихие фразы, которыми обменивались супруги:

– Ты понял, Пруденсио, ничего не должно выплыть наружу. Иначе мы оба окажемся по уши в дерьме!

– Кому ты рассказываешь, Камилла, только веди себя прилично и не впадай в раж. Комиссарша от меня без ума, так что я сумею забить ей мозги всем чем угодно, но только не расследованием убийств.

– Ладно, но знай меру, Пруденсио, ведь это все из-за твоей похоти...

Эльке, притаившуюся в коридоре, напугала служанка, которая незаметно подошла сзади и пропищала:

– Синьора, ваша одежда!

Шрепп поблагодарила девочку и вошла в гостиную. Хозяйева радушно встретили ее появление. Эльке приняла приглашение на званый ужин. Пруденсио был уверен, что она не устоит перед его мужским шармом и обаянием. Ему пока что незачем знать, что она никак на сие не реагирует. Градоначальник самоуверен, это его ахиллесова пята, и на этом можно сыграть и даже, если что, потерпеть его поглаживания и приставания ради информации.

– Кстати, синьор мэр, позвольте задать нескромный вопрос: отчего около вашего городка на старой автозаправке лежат три скелета, судя по всему, уже многие годы, а власти этим не интересуются и не убирают останки? – спросила Эльке у Ногеры.

– Ах! – возвел к потолку глаза алькальд. – Эти мертвецы – моя извечная головная боль! Они лежат на заправке уже больше семнадцати лет. Это жертвы мафиозных разборок сразу после путча 1987 года. Хозяин заправки, Пако, был бельмом на глазу дона Бонифацио, нашего «крестного отца», умершего прошлой весной. После путча, когда везде царил разброд, дон Бонифацио лично приехал к Пако и расстрелял из «калашникова» его самого, его сына и случайную клиентку. Понятное дело, дон Бонифацио никто к ответственности не привлек, хотя все знали, чьих рук это дело. А трупы... До путча территория автозаправки относилась к Санта-Кларите, а сразу после него власти в столице провели новое административное деление страны, и заправка оказалась территорией штата. Но штат до сих пор считает, что убрать трупы и захоронить их должны за счет нашего городка. Тяжба тянется уже второе десятилетие, возможно, когда Конституционный суд вынесет решение по этому делу, а рассмотрение назначено на следующий год, то станет ясно, в чьей компетенции находятся скелеты! А пока нас официально не обязали заниматься останками, мы сами не проявим инициативы. Я уверен, что суд вынесет решение в нашу пользу и штат все же раскошелится на санацию автозаправки! Мы этого делать ни за что не будем!

Эльке поняла, что в Коста-Бьянке многие проблемы ждут своего разрешения годами. Ну, в этом южноамериканская страна чем-то походила и на ее родину, Германию... Но там по крайней мере скелеты на дорогах не валяются, ожидая решения суда, кому их хоронить, – они лежат в моргах, и иногда в самом деле продолжительное время...

Дон Пруденсио, плотно закусивший, засобиравшись снова на работу, в ратушу, расположенную всего в нескольких десятках метров от особняка. Эльке поняла, что пора говорить «до свидания».

– Мы были очень рады с вами познакомиться! – сказала на прощание донна Камилла, провожая Эльке. – Мы вас ждем к себе в гости! И кстати, где госпожа комиссар Кордеро, вы же ее знаете? Мы были бы польщены и ее визитом. Всего хорошего!

Эльке оказалась на улице. Она ускорила шаг, чтобы ее не нагнал Пруденсио, который, расцеловав жену, снова пошел служить народу. У нее есть сведения, и необходимо сообщить об открытии, сделанном в доме Ногера, Николетте. И они решат, что следует предпринять дальше.

Эльке нашла Николетту в полицейском участке. Та работала за компьютером, составляя какую-то схему. Фелиппе Гарсиа сидел за соседним столом и задумчиво смотрел в потолок. Эльке не хотела, чтобы молодой инспектор слышал о том, что она обнаружила у его дядьки. Насколько она понимает, своим местом Фелиппе обязан Пруденсио, и, вполне вероятно, молодой человек благодарен мэру за это. А значит, он может информировать его о ходе расследования.

– Фелиппе, мне надо поговорить с Гамбургом, где это можно сделать? – спросила она.

Комиссар встрепенулся:

– А это так необходимо? Ах, ну да, конечно...

Видимо, лишние расходы здесь не приветствовались, однако делать было нечего. Он освободил свой стол, а сам скрылся в соседнем помещении. Шрепп подняла трубку. Итак, что она хотела? Первым делом ее интересовала информация о Виланде Бейкере, немецком супруге Саманты. Подозрительная пара, хотя бы потому, что они выглядят до чрезвычайности невинно. Никто толком не знал, чем занимаются эти археологи в Санта-Кларите. Они не участвовали в раскопках, не занимались изучением архивов, а по большей части ходили по улицам и частенько заглядывали на монастырское кладбище. Их явно тянет к могиле Альваро Мендозы. Но почему?

Она кратко переговорила с Йоханом Пилярски, своим помощником, и дала ему задание узнать все, что только можно, о Виланде Бейкере, профессоре университета города Нюрнберга, и его американской жене. Затем, положив трубку, посмотрела на Николетту.

– Мне удалось найти того человека, которому принадлежит записка, – сказала Эльке. Кордеро вопросительно посмотрела на нее. Шрепп продолжила: – Это уважаемый дон Пруденсио Ногера, дядя Фелиппе и по совместительству – глава Санта-Клариты.

Она поведала Нико о своем открытии. Та, в свою очередь, рассказала о путешествии в монастырь, о распрях между монахинями, каталоге церковных ценностей, найденном в келье сестры Фернанды, и своих мыслях о ее убийстве.

– Значит, ты думаешь, что к убийствам причастен кто-то из монастыря? – произнесла Эльке Шрепп. – Но зачем одной из монахинь совершать такие жуткие преступления? Что это даст им?

– Пока не знаю, – проговорила медленно Николетта. – Но мне кажется, что виной всему наша неинформированность. В городе что-то происходит, в Санта-Кларите имеются свои собственные тайны, которые так просто не раскрываются чужакам... – Николетта понизила голос и кивнула в сторону смежного помещения, где находился комиссар Гарсиа: – Ты думаешь,

Фелиппе можно доверять? Он зависит от своего дядьки и, возможно, намеренно скрывает причастность Пруденсио к убийствам.

Эльке тоже придерживалась подобного мнения. Фелиппе ей нравился, однако... Однако он был племянником Пруденсио, и именно мэр поставил его на место главного полицейского в Санта-Кларите.

Фелиппе снова появился в кабинете и спросил с любопытством:

– Ну что, какие-то успехи есть? Наверняка вы много разузнали?

– Я познакомилась с вашим дядей и его супругой, – произнесла Эльке. Фелиппе улыбнулся, однако улыбка вышла несколько натянутой. У комиссарши создалось непреодолимое впечатление, что Гарсиа чего-то боится.

– Занимательный человек, – пробормотал он. – Дядю все уважают, он замечательный политик и так много сделал для нашего городка. Я ему тоже многим обязан, он и тетя Камилла позаботились обо мне после смерти моих родителей.

Эльке почувствовала сонливость. Еще бы, она не спала всю предыдущую ночь, а теперь, в самый разгар зноя, сидела в душном кабинете и пыталась сообразить, лжет Фелиппе или нет. Когда тот снова вышел, она рассказала Николетте и о приглашении Пруденсио.

– Нам надо воспользоваться гостеприимством дона Ногеры, – сказала та со смешком. – Он, как я понимаю, весьма галантный мужчина, при этом ему есть что скрывать от правосудия. Так что мы навестим его сегодня вечером!

Знойный день неожиданно подошел к завершению. Только что светило раскаленное солнце, которое испепеляло сухую почву и заставляло жителей Санта-Клариты прятаться в прохладных помещениях, и вдруг наступили роскошные тропические сумерки. Перезвонил Йохан Пилярски. Информация от него была многообещающей.

– Начать надо с того, что профессор Виланд Бейкер вовсе не профессор и совсем не Бейкер, – услышала Эльке далекий голос своего напарника. – Он на самом деле когда-то историю преподавал в Нюрнбергском университете, однако не имеет отношения к этому вузу уже как минимум лет пятнадцать. Его уволили из-за некоего покрытого тайной скандала. Вроде бы он пытался подделать результаты исследования и совершил кражу из архива. В общем, в научном мире он – пария.

Так, так, впитывала сведения Эльке. Вот каков он, этот профессор Бейкер. И почему он оказался в Санта-Кларите?

– У него есть американская жена Саманта Бейкер. До того как они соединились узами брака, профессор звался Виланд Зюльц. Вот так! Он взял фамилию жены, чтобы, по всей видимости, положить конец истории об его увольнении из университета и лишении профессорского звания.

Ага, он, значит, заметал следы и вполне легальным способом изменил себе фамилию. Герр Виланд Зюльц!

– Его жена из богатой и влиятельной семьи, старшие братья Саманты занимаются нефтяным бизнесом, а ее личное состояние исчисляется многими миллионами. Так что заботиться о хлебе насущном Саманте не приходится. Поэтому она посвятила себя науке, преуспела в этом. Работает в университете Сан-Диего. Ее специализация – страны Южной Америки в восемнадцатом и девятнадцатом столетиях. О ней я мало что могу сообщить. Вроде бы никаких преступлений за Самантой не числится.

Эльке поблагодарила Йохана и повесила трубку. Преступлений за Самантой не числится, но неужто она вышла замуж за разжалованного немецкого профессора по большой любви? Или их объединяет что-то иное?

Вечером они отправились на прием в особняк к дону Пруденсио. Тот встретил комиссарш, как всегда, с очаровательной улыбкой и манерами ловеласа. Эльке отметила, что он опять пытается приставать к ней.

В гостиной, выходящей в сад, собралось местное изысканное общество. Супруги Бейкер, отец Теренсио, Фелиппе Гарсиа, еще несколько человек, видимо, кто-то из власти имущих и богатых.

Среди гостей выделялась одна дама лет пятидесяти, несколько вульгарная, но красивая и дорого одетая. Она заразительно смеялась, при этом на ее груди колыхались массивные золотые украшения.

– Синьора Сивилла ди Альбронзо, – представил ее дон Пруденсио. – Она, можно так сказать, важный инвестор из столицы.

Синьора Сивилла, показав безукоризненные зубы, ответила глубоким прокуренным голосом:

– Пруденсио, ну зачем так шутить! Я – бедная вдова бедного банкира, которая на старости лет решила покинуть бурный мегаполис и перебраться в тихую провинцию.

– Донна Сивилла хочет построить у нас свою резиденцию, – продолжал мэр. – Поэтому она купила несколько участков около города...

– Ах да, – произнесла томно Сивилла. Она сделала театральный жест рукой, унизанной перстнями. – Мой дорогой и горячо любимый муж оставил мне состояние, которое я предпочитаю тратить. Санта-Кларита – такой прелестный городок, я купила здесь несколько участков земли, благо, они стоят не так дорого. Вскоре начнется строительство...

Ее монолог прервали далекие крики, нечеловеческие и какие-то леденящие. Крики эти перешли в завывания, которые сменились всхлипами и плачем. Эльке похолодела. В джунглях множество животных, которые ночью пробуждаются к жизни. Возможно, так кричит обезьяна, которую поглощает питон, или мелкая птица, попавшая в силки.

Никто из гостей, казалось, не придавал особого значения этим крикам, однако Эльке заметила, что на секунду воцарилось молчание. Первым прервал его дон Пруденсио.

– Плачущая Долорес, – сказал он с улыбкой. – Наше городское привидение. В последнее время оно что-то разошлось. И чего она так кричит?

– Плачущая Долорес? – переспросила Николетта, явно сбитая с толку. – Ваше городское привидение? Но о чем вы ведете речь, дон Пруденсио?

Мэр усмехнулся и пояснил:

– О, для вас это звучит, возможно, дико, но у нас все верят в то, что это кричит призрак монахини, повесившейся от несчастной любви лет двести пятьдесят назад. Ее многие видели на монастырском кладбище, а также на улочках Санта-Клариты. Облаченная во все белое, она светится и летит над землей, завывая от тоски по возлюбленному, с которым ее разлучили. Вроде бы она из богатой семьи, влюбилась в простолюдина, и родители сослали ее за это в монастырь, где она и покончила с собой. И теперь она никак не может найти успокоения, ищет свою любовь и, не находя ее, плачет и завывает. При этом верят, что она активизируется накануне чего-то нехорошего, чьей-то смерти или природной катастрофы.

– Неужели убьют еще одну монахиню? – с металлом в голосе спросил Виланд Бейкер. Он говорил по-испански практически без акцента. Эльке отметила, что у бывшего профессора большие сильные руки. Он вполне мог бы задушить сестру Фернанду и утопить в фонтане сестру Пилар, а также снести полчерепа дону Хорхе Фабидо.

Крик повторился, на сей раз с вариациями. Шрепп подумала: неужели обитатели городка верят в подобную чушь? Хотя как знать, для них это вовсе не сказки или легенды, а реальность. В Санта-Кларите действовали собственные законы.

Общение возобновилось, вскоре подали ужин. Хозяин сидел подле Эльке, и та вдруг ощутила, что его ладонь оказалась на ее колене. Кажется, Ногера перешел к решительным дей-

ствиям! А его жена, ревнивая Камилла, сидит с другой стороны! Так что же делать? Спихнуть руку назойливого Пруденсио или, может, опрокинуть на его белоснежный костюм, манжеты которого были, как обычно, украшены затейливыми запонками, бокал с вином?

Внезапно ночную тишину прорезал еще один крик, на этот раз совершенно отличный от рулад, выводимых Плачущей Долорес. В столовую, где находилось избранное общество, ворвалась девочка-служанка четы Ногера и, задыхаясь, прокричала:

– Она там, Плачущая Долорес! Она пришла в сад! Она хочет меня убить, я это знаю!

Девчушка забилась в истерике, дон Пруденсио поднялся из-за стола и весьма уверенно произнес:

– Успокойся, моя дорогая! Не надо никаких сцен! Если помнишь, ты уже один раз приняла развешанные во дворе простыни за привидение!

– Она там, на дереве, – продолжала твердить девушка, размазывая слезы по личику. – Она едва на меня не напала и с таким грохотом обрушилась вниз, наверняка хотела выпить из меня кровь!

– Не говори глупостей, – прервала ее донна Камилла. До слуха присутствующих донеслись непонятные звуки из сада. Там в самом деле кто-то находился. Эльке стало не по себе. Это не призрак монахини, она уверена, однако, быть может, какое-то опасное животное, забравшееся в сад Ногеры.

Пруденсио с племянником вышли в темноту и направились к огромному дереву, росшему совсем рядом со стеной дома. Через несколько секунд гости услышали крики, затем на пороге освещенного дома появился разъяренный мэр, который пихал в спину молодого человека, державшего в руках фотокамеру.

– Вот он, твой призрак! – кипятился градоначальник. – Сидел под деревом, с которого, по всей видимости, сверзнулся вниз. Отвечай, что ты здесь делаешь? И кто ты такой?

Молодой человек, невысокий, с зачесанными назад темными волосами, молчал. Зато голос подала Николетта:

– Кажется, я его знаю. Если не ошибаюсь, мы имеем честь лицезреть господина Кая Анадино, столичного журналиста, который специализируется на написании клеветнических и просто откровенно лживых статей в «желтой» прессе.

Пруденсио, который замахнулся на молодого человека, опустил кулак и уже миролюбивым тоном добавил:

– Это правда? В любом случае вы незаконно проникли на территорию моего сада и что-то делали на дереве, причем с фотоаппаратом. Что именно?

Пойманный с поличным журналист признался, сверкнув глазами в сторону Николетты:

– Комиссар Кордеро меня узнала. Разрешите представиться – Кай Анадино, штатный корреспондент «Эльпараисского болтуна».

– Мерзкая газета, – прокомментировала донна Сивилла. – Пишут про всех или дешевые выдумки, или, что гораздо хуже, правду.

– Донна Сивилла, я рад вас видеть, – сказал Кай, который, казалось, уже пришел в себя после поимки с поличным. – Вы же были героиней одного из моих репортажей!

Синьора ди Альбронзо проскрипела зубами:

– А, это вы дали мои фото на вечернике, где у меня упали бретельки с платья. Какая низость! Мне следовало подать на вашу жалкую газетенку в суд! «Эльпараисский болтун» – что может быть примитивнее и гаже!

– Зато нас читают пятнадцать миллионов, и не только в столице, но и по всей стране, – сказал с гордостью Кай. – Комиссар Кордеро, а вы все еще злитесь на меня за ту статью, в которой я...

– В которой вы уверяли всех, что я сплю с собственным шефом и обязана быстрым взлетом моей карьеры прочим постельным качествам? – сказала прохладно Николетта. – Я помню

ваше имя, синьор Анадино! А также извинения, которые напечатала ваша газетка, и штраф, который вы были вынуждены заплатить мне по решению суда!

Кай вздохнул. Несмотря на то что он представлял собой тип пронырливого и насквозь лживого журналиста, работающего в скандальном ежедневнике, Анадино обладал особым обаянием. Эльке улыбнулась. Ей знакомы такие вот молодчики. В Германии тоже есть несерьезные представители журналистской профессии, которые сами изобретают сенсации и готовы ради очередного скандала вывернуться наизнанку, лишь бы презентовать его публике и лишний раз прославиться.

– О, я смотрю, вы тоже читаете нашего «Эльпараисского болтуна», – журналист совсем оправился от испуга, прошел в гостиную и взял со столика последний выпуск газеты. На первой странице кровавыми буквами было выведено: «В Эльпараисо объявился маньяк, который убивает девственниц! Помогите его найти, и вы получите сто тысяч!» Далее следовало изображение практически обнаженной красавицы, над которой возвышался темный силуэт с длинным окровавленным ножом.

Дон Пруденсио скривился, как будто у него внезапно разболелись зубы. Эльке поняла, что тайным поклонником базарного издания является даже не супруга, а сам градоначальник.

– Это моя идея дать такой заголовок, – с гордостью произнес Кай. – Правда, эффектно? Нам уже позвонили пара тысяч человек. Все уверяют, что знают, кто является маньяком.

Обстановка разрядилась. Журналист умел заговорить всех до полусмерти. Эльке же подумала, что он прикидывается простачком, а на самом деле себе на уме, иначе бы вряд ли добился успеха, работая в газете наподобие «Эльпараисского болтуна».

Но дон Пруденсио не позволил сбить себя с толку. Он подошел к Каю Анадино, который занял место за столом, и строго спросил:

– И все же, синьор журналист, скажите, что вы делали на дереве в моем саду? И почему едва не вызвали сердечный приступ у моей служанки?

Журналист, наливавший себе вина, ответил:

– Дон Пруденсио, это не вы мне, а я вам должен задавать вопросы. Например, почему об убийствах двух монахинь из монастыря Непорочного Зачатия не сообщают прессе? Почему для расследования этого преступления в срочном порядке к вам была командирована комиссар Нико Кордеро, самая светлая голова столичной полиции?

Пруденсио обмяк. Журналист не скрывал, что он, получив от своего информатора сведения о провинциальных страстях, немедленно принял решение выехать в Санта-Клариту, чтобы разведать все на месте.

– Боже, ну у вас и дыра, – сказал Кай. – Я и понятия не имел, что в Коста-Бьянке сохранились еще такие замшелые городки. Ну так что, дамы и господа, прошу вас, возвращайтесь к столу! Ужин продолжается! Скажу честно, что идея залезть на дерево, чтобы сделать несколько фотографий дома славного вашего градоначальника, была не самой разумной. Меня угораздило наступить на сухой сук, и я полетел вниз, едва не прибив вашу истеричную горничную. Ну что, малышка, пришла в себя?

Служанка, с восхищением глядевшая на болтающего молодого человека, кивнула головой. По всей видимости, девица была в восторге от Кая: симпатичный, с хорошо подвешенным языком, кроме того, из столицы! Журналист подмигнул девушке, и та залилась румянцем смущения.

Донна Камилла, строго отчитав служанку, велела той удалиться. Девушка подчинилась, явно не желая покидать общество Кая Анадино. Гости вернулись к столу, общение возобновилось. Однако задавал тон теперь журналист – он был в курсе всего, влезал в любой разговор и обладал собственным мнением по тому или иному вопросу.

– Значит, у вас действует маньяк, – вещал он. – А вы скрываете это от общественности! И не стыдно ли вам?

– Какой маньяк! – вскричал дон Пруденсио. – И почему это о любом происшествии в провинциальном городишке с населением в две с половиной тысячи человек я должен сообщать столичным журналистам?

Кай, методично поглощая разнообразные закуски, перебил его:

– Разве таинственная смерть двух монахинь и одного местного историка – это из разряда «любых происшествий»? Я бы этого не сказал! И к чему вам визит Нико Кордеро? Быть может, вы, госпожа комиссар, ответите на этот вопрос?

Николетта проигнорировала реплику журналиста, тот же, ничуть не смутившись, заявил:

– А потому, что в ваш городок всего через несколько дней пожалует его святейшество папа римский. И власти не хотят, чтобы визит престарелого понтифика был омрачен убийствами в монастыре. Папа же наверняка отправится в капеллу, дабы лицезреть хрустальную Деву Марию. И вот незадача, ковчежец, который стоял около статуи, был кем-то похищен. Для этого и командировали к вам Николетту, ведь так?

Дон Пруденсио, понимая, что журналист проявляет слишком много инициативы, провозгласил, что вечер подходит к завершению. Супруги Бейкер первыми поднялись и исчезли.

– Моя жена не очень хорошо себя чувствует, – сказал Виланд Бейкер. Вслед за ним пропала и донна Сивилла, а также падре Теренсио. Николетта и Эльке тоже отправились восвояси. Кай Анадино увязался за ними до дома старухи Магдалены.

– Учтите, я могу оказаться вам чрезвычайно полезным, – говорил он. – Мне много чего известно, и если вы поделитесь со мной ходом своего расследования, я бы мог...

– Синьор журналист, – сказала ему Николетта, которая, как поняла Эльке, до сих пор была возмущена статьей, написанной Каем для «Эльпараисского болтуна». – Мы сумеем провести расследование и без вашей помощи. Так что отправляйтесь в столицу и продолжайте выдумывать свои небывлицы!

– А госпожа комиссар все еще на меня злится, – произнес в задумчивости Кай, обращаясь к Эльке. – Но вы же из Гамбурга? Я о вас уже слышал, вы якобы случайно оказались здесь. Скажите правду, вас прислали из Германии? Но почему, неужели Санта-Кларита оказалась в центре международного заговора? Это что, продажа наркотиков, экспорт урана или международный терроризм? Госпожа комиссар, прошу вас, всего пару слов в качестве эксклюзивного интервью!

Шрепп спаслась бегством от назойливого журналиста. Еще немного, и он был готов написать репортаж, выдумав все от начала и до конца.

Магдалена вела прием таинственных посетителей, бабка, по всей видимости, на самом деле была колдуньей, и в это свято верили жители городка. Она принимала на первом этаже, в небольшой комнате, заставленной чучелами ящериц, змей и увешанной пучками ароматных трав.

Эльке поднялась к себе в комнату, приняла ванну и, едва опустившись на кровать, провалилась в сон. Она помнила, что ей снилось: она идет по большому заброшенному кладбищу, и вдруг раздается вой, тот самый, который якобы принадлежит призраку Плачущей Долорес. Она оборачивается – и видит стремительно несущееся на нее белое святающееся пятно. Оно жалобно кричит:

– Эльке, Эльке, Эльке!

Шрепп проснулась с бьющимся сердцем и вся в испарине. Не следовало наедаться на ночь, от этого и кошмары. И как же душно, ночной воздух, казалось, был как туман – насыщенный, пропитанный испарениями и жуткими звуками. Окно, выходящее во двор, было открыто настежь и забрано сеткой от комаров и мошек.

– Эльке! – услышала комиссарша Шрепп свое имя. Значит, это не сон и не призрак звал ее, а кто-то вполне осязаемый и реальный. В сетку, прикрывающую окно, ударился мелкий камешек. – Эй, Эльке, ну что же вы меня не слышите?

Она подошла к окну и выглянула во двор. Внизу был различим силуэт журналиста Кая Анадино.

– Что вам надо? – шепотом спросила Эльке. – Половина второго ночи, не могло ли все это подождать до утра?

Журналист ответил:

– Спускайтесь вниз, и как можно быстрее! И разбудите комиссара Кордеро! Это очень важно! Повторяю, я напал на след чего-то подозрительного и, кажется, связанного с убийствами!

Эльке, понимая, что от журналиста не отвяжаться, натянула джинсы и майку, вышла из комнаты и постучала в дверь комнаты Николетты. Ей никто не ответил, она прошла внутрь. Комиссар Кордеро спала, по-детски подложив руку под щеку. Эльке разбудила ее. Николетта сонно ответила:

– Этот прощельга, что ему нужно? Кажется, он хочет использовать тебя, Эльке, в своих целях. Скажи ему, чтобы он убирался прочь, иначе я арестую его за нарушение общественного спокойствия.

Но все же она оделась и спустилась вместе с Эльке на первый этаж. Они обе заметили призрачный свет, который выбивался из подпола. В подвале кто-то был, об этом свидетельствовали всполохи синеватого огня. Но что делает Магдалена в такой неурочный час в подвале?

Они вышли во двор. Журналист произнес:

– Ну слава богу, вы так долго собирались, как будто приглашены на прием к Изабелле Коваччо!

– Что у вас? – задала Каю вопрос Николетта. Она терпеть не могла панибратство и нагловатый тон.

Анадино ответил:

– В общем, после завершения трапезы у синьора Пруденсио я решил немного прогуляться по милому городку...

– Да... Ночью... Прогуляться... – сказала насмешливо Нико.

Журналист поправился:

– Ну ладно, я хотел исследовать кое-что под покровом тьмы. И, представляете себе, на кого я наткнулся на монастырском кладбище? На милых нашему сердцу археологов – Саманту и Виланда!

– И из-за этого вы решили поднять нас на ноги? – сказала Кордеро, явно собираясь идти досыпать. – Анадино, вы не просто плохой журналист, у вас нет ни капельки совести!

– Подождите, это еще не все! – прервал ее Кай. – Ладно бы эта парочка решила просто совершить моцион под луной, хотя гулять по кладбищу ночью как-то странно. Но нет, я видел, для чего именно они заявились туда. Они притащили лопаты, остановились около одного из надгробий и занимаются в данный момент тем, что разрывают могилу!

Эльке коротко рассмеялась, так неправдоподобно выглядел рассказ Кая. Археологи решили осквернить одно из захоронений и разрывают могилу глухой ночью?

– Уверю вас, я не ошибся, – продолжал запальчиво журналист. – Они все еще там, и если мы поторопимся, то сумеем застигнуть их на месте преступления. Я уверен, что это место преступления. Сами подумайте, для чего им разрывать могилу человека, умершего сто тридцать лет назад?

– Чью могилу они вскрывают? – спросила Николетта.

Кай ответил:

– Если я правильно понял, то это могила некоего Альваро Мендозы.

Николетта обменялась взглядом с Эльке. Археологи для чего-то решили разрыть захоронение Альваро Мендозы. Но для чего?

– Пойдемте, – сказала коротко Нико. – Но учтите, господин журналист, если это окажется выдумкой или ошибкой, или, что еще хуже, вашей намеренной провокацией, то я приложу все усилия, чтобы следующие несколько месяцев вы провели за решеткой.

– Узнаю методы работы родной полиции, – прошептал Кай. – Не беспокойтесь, эти субъекты все еще там, вряд ли они так быстро сумели добраться до гроба этого самого Мендозы.

Троица пересекла площадь с фонтаном, затем по дороге направилась к монастырю. Луны видно не было, как и звезд. Небо затянули тучи, поднялся легкий ветер. Где-то вдалеке раздался жалобный вой, сменившийся рыданиями.

– Плачущая Долорес, – поежился Кай. – Я вообще-то не верю в призраков и вообще в потусторонние силы, но если это не привидение повесившейся монашки, то что?

Эльке тоже ощутила страх. Призрак – не призрак, но кто-то (или что-то) воеет и захлебывается в плаче по ночам. Внезапно Шрепп чертыхнулась и замерла как вкопанная, не доверяя своим глазам. Она никогда не верила в бесовщину и гороскопы тоже и считала прорицателей шарлатанами и мошенниками.

В проулке Эльке заметила фигуру – ирреальную, словно сотканную из тумана, парящую над землей. И у фигуры этой было лицо красивой и печальной девушки. Комиссарша зачарованно смотрела на это явление. Призрак (или что это было еще?), тяжело вздохнув и мелодично заплакав, двинулся к ней, протягивая невесомые руки. Комиссарша с криком побежала вслед за Каем и Николеттой.

– Плачущая Долорес, я видела ее! – задыхаясь, доложила она журналисту и Кордеро. – Она пыталась нагнать меня!

Эльке бил озноб, Кай решительно направился в проулок, где Шрепп видела призрака.

– Ничего и никого, – сказал Кай. Из подворотни выпрыгнула тощая кошка с сияющими зелеными глазами, зашипела и исчезла за забором.

– Или вы кошку испугались? – спросил Кай насмешливо. Эльке всматривалась во тьму проулка. Никакого призрака, никакой печальной и такой красивой девушки, парящей в облаке над землей. Неужели галлюцинации?

– Ну ладно, пойдемте, – поторопила их Николетта. – С призраками потом разберемся!

Они тем временем подошли к громаде монастыря. Тот был погружен в темноту. Кай повел их к кладбищенской ограде, велел пригнуться.

Они увидели две одиноких фигуры, которые молотили землю лопатами на одной из могил. Могила уже превратилась в яму.

– Я же говорил, что они все еще здесь. И зачем им потребовалось разворошить могилу? Решили ее ограбить? Но вряд ли там есть что-то ценное. Или они извращенцы?

Николетта достала свое оружие. Затем велела Эльке и Каю оставаться в отдалении, а сама двинулась вперед. Журналист, не послушавшись приказания Кордеро, пошел вслед за ней. Они приблизились к грабителям могил.

Это на самом деле было захоронение Альваро Мендозы. Бейкеры вырыли приличную яму около пирамиды-надгробия. Приглушенный свет большого фонаря освещал место ночных раскопок.

Раздался глухой удар, а затем ликующий голос Саманты:

– Виланд, это гроб! Осторожнее, не повреди его лопатой! Мы у цели!

Николетта притаилась за большим крестом, Эльке с Каем – за соседним надгробием. Из могилы вынырнула рука, которая схватила лом, лежавший около края.

– Виланд, не спеши! Гробу уже сто тридцать лет, а он все как новенький. Осторожнее поддевай крышку...

Послышался скрежет, как будто кто-то выламывал запертую дверь. Журналист, прижавшись к Эльке, судорожно прошептал:

– Они вскрывают заколоченную крышку гроба. Но чего ради? Что здесь происходит?

Николетта шагнула к могиле, взяла стоявший на земле фонарь, осветила яму. Внизу, на крышке большого старого гроба, возился Виланд Бейкер, а с ним его супруга Саманта.

– Что вы делаете, дамы и господа? – спросила Николетта. – У вас есть разрешение компетентных органов на вскрытие могилы?

Виланд вздрогнул, парализованный голосом Нико Кордеро, и выпустил из рук лом, который с глухим ударом свалился на крышку гроба. Саманта проворно вылезла из могилы и со всего размаху ударила Николетту в живот. Кордеро, не ожидавшая сопротивления, охнула, выпустила фонарь, который, упав на землю, погас. Саманта была явно знакома с приемами рукопашной борьбы. Она крикнула мужу по-английски:

– Виланд, доставай бумаги или что там есть, и мы смываемся! Быстрее, прошу тебя!

Муж ей ответил:

– Саманта, тут только кости! Кажется, старый мерзавец всех надул! В гробу нет никаких бумаг!

Тем временем к Николетте подросли Эльке и Кай. Шрепп нанесла ощутимый удар Саманте по шее, а затем скрутила отчаянно сопротивляющуюся даму. Журналист заглянул в могилу, присвистнул и сказал:

– Значит, вот вы чем промышляете. Не двигаться, господин археолог, сопротивление бесполезно!

Николетта прижала коленкой к куче свежей земли брыкающуюся Саманту Бейкер. Из могилы появился бледный Виланд, который сказал:

– Дорогая, я же говорил, что лезть в могилу Альваро – не самая удачная идея. Отпустите мою жену!

– Она напала на представителя закона, – ответила Николетта. – Вы и ваша супруга арестованы! Мы отвезем вас в полицейский участок!

Кай Анадино снова зажег фонарь и осветил внутренности развороченной могилы.

– Вот это да! Они вскрыли захоронение старика Альваро!

Эльке заглянула в яму. Крышка гроба была отодрана, в зыбком свете различался вытянувшийся в гробу скелет, облаченный в старинный костюм. Голый череп скалился зловещей улыбкой.

– Что вы тут искали? – спросила Николетта Саманту.

Вместо нее ответил Виланд Бейкер:

– Того, что мы искали, в гробу нет. Но ведь каков мерзавец! Для чего же он велел выбить на надгробии: «Все свои тайны он унес в могилу?» Мы же думали, что это – руководство к действию и его признание в том, что путь к сокровищам он спрятал в собственном гробу. Но там только его кости! Альваро, какая же ты хитрая бестия! Как я тебя ненавижу!

– Виланд! – прикрикнула на него супруга. – Замолчи! Замолчи немедленно!

Нико произнесла, отпуская Саманту Бейкер:

– Ну что ж, дамы и господа, вы арестованы согласно статье 769 Уголовного кодекса республики Коста-Бьянка – осквернение захоронений. Прошу вас проследовать за мной! А вы, уважаемая госпожа Бейкер, обвиняетесь, помимо этого, в сопротивлении представителям закона при аресте, а это гораздо более серьезное преступление!

Саманта поднялась, отряхивая землю с коленок. В этот момент тишину летней ночи снова прорезал крик, перешедший в плач. В этот раз звук раздался где-то совсем близко. Эльке содрогнулась. Неужели это в самом деле призрак?

Они направились в полицейский участок. Там находился только один из подчиненных Фелиппе Гарсиа, дремавший за столом. Николетта проводила Бейкеров в разные кабинеты,

вызвала по телефону комиссара Гарсиа и его помощника Родриго, которые и явились четверть часа спустя, заспанные и зевающие.

– По крайней мере промежуточный успех, – сказала Кордеро. – Я возьму на себя допрос мужа, а вы, Гарсиа, займитесь его супругой. У меня создается впечатление, что господам археологом есть что рассказать нам. Однако они упорно не хотят этого делать!

Журналиста Анадино, который во что бы то ни стало хотел присутствовать при допросе, вежливо, но настоятельно попросили покинуть полицейский участок.

– Так всегда, – сказал Кай. – Мавр сделал свое дело, мавр может уйти. Без меня бы вы ни за что не поймали этих типов! Они явно что-то искали в могиле, они же сами проговорились!

– Анадино, – заявила Нико. – Мы вам очень благодарны. Но находиться здесь вы не имеете права. Так что идите выспитесь, а утром можете навестить нас с Эльке. Страна вас не забудет!

Журналист «Эльпараисского болтуна» тяжело вздохнул. Шрепп на какой-то момент стало даже жаль его. Кай очень хотел послушать рассказ Бейкеров, но сопротивляться приказаниям Николетты было бессмысленно.

Эльке прошла в кабинет, в котором расположился комиссар Гарсиа в обществе Саманты Бейкер. Та пришла в себя, снова превратилась в самоуверенную красавицу. Положив ногу на ногу и сцепив руки, она заявила в угрожающем тоне:

– К вашему сведению, я гражданка Соединенных Штатов! Так что настоятельно требую встречи с американским консулом или послом! Я не намерена отвечать ни на один из ваших idiotских вопросов. И если я арестована, то хочу, чтобы мне предоставили адвоката!

Ее муж вел себя по-другому. Виланд Бейкер мило беседовал с Николеттой, однако добиться от бывшего профессора каких-либо сведений было малореально. Он настаивал на версии – они, археологи, решили провести раскопки на кладбище. И при этом совершенно случайно раскочерили могилу некоего Альваро Мендозы.

– Более смехотворного объяснения я еще не слышала, – заявила Николетта в лицо Бейкеру. – Во-первых, вы не археолог, господин Бейкер, ваша специализация – история восемнадцатого и девятнадцатого век. Во-вторых, как это вы могли случайно вскрыть могилу? Это явно намеренное действие. В-третьих, раз на то пошло, почему вы делали это тайно, ночью, а не днем, при свете солнца? Вы что-то говорили об эпитафии на надгробии Альваро. Там на самом деле есть слова: «Все свои тайны он унес с собой в могилу». Что это значит?

– Понятия не имею, – сказал Виланд Бейкер. – И поверьте мне, в этот раз это совершеннейшая правда!

Эльке Шрепп решила испугать профессора. Ну что ж, нужно заставить его признаться. Он готов рассказать кое-что, в отличие от своей жены, которая угрожает Гарсиа и кричит что есть мочи, напирая на произвол и полицейский беспредел.

– Господин Бейкер, – сказала она по-немецки, и Виланд вздрогнул. – Как вы знаете, я комиссар гамбургской полиции Эльке Шрепп. Так вот, скажу вам без обиняков, я на самом деле прибыла в Санта-Клариту по специальному заданию – провести ваше задержание и организовать депортацию на родину, где вас ждут с распростертыми объятиями по обвинению в массе преступлений. Например, краже экспонатов из музеев Нюрнберга и Мюнхена, подделке документов...

Она попала в цель: Виланд Бейкер заерзал на стуле, его лицо посерело. Ему явно было что скрывать, наверняка он натворил массу преступлений и в Германии.

– Однако если вы пойдете на сотрудничество с местной полицией, то мы можем приложить все усилия, чтобы вы остались в Коста-Бьянке. Или вам хочется предстать перед немецким правосудием? В ваших интересах говорить, господин профессор!

Виланд произнес:

– Ну что ж, я понимаю, что вы все равно не отпустите нас, пока не узнаете, почему мы решили вскрыть могилу Альваро. Ладно, госпожа комиссар, я расскажу вам. Но следствие, как вы и обещали, должно учесть мою помощь!

– Непременно, – заверила его Николетта. – Мы учтем вашу помощь, господин профессор Бейкер. Итак...

Виланд приосанился и сказал:

– Мы, конечно же, не просто так вскрыли могилу Альваро Мендозы. Так вот, дамы, что вам известно про императора Коста-Бьянки Сильвио Первого?

Николетта с удивлением посмотрела на ученого. К чему это он клонит? Она не особо хорошо разбиралась в истории, этот предмет всегда утомлял ее в школе и в университете.

– Император Сильвио, – протянула она. – Кажется, некий авантюрист, который захватил власть в нашей стране в девятнадцатом веке, провозгласил Коста-Бьянку потомственной монархией, короновался. Его свергли и убили. Или что-то в этом роде! Наш местный Наполеон Бонапарт, так сказать.

– Отлично, – похвалил ее тоном учителя Бейкер. – Так и есть, Сильвио Асунсьон, мелкопоместный дворянин, который за многочисленные преступления был даже осужден к нескольким годам каторги, бежал из мест заключения, благодаря своему незаурядному ораторскому таланту сумел поднять и возглавить восстание и подготовить путч, который и привел его в власти. Это произошло в 1861 году. Его правление длилось до 1866 года, когда он был убит при до сих пор не выясненных обстоятельствах. Роскошная история! Коста-Бьянка в девятнадцатом столетии была чудной страной: один президент свергал другого, того спихивал император, которого, в свою очередь, сменял диктатор-генерал или клика ненавидящих друг друга военных.

– И какое отношение император Сильвио имеет к вашим действиям? – спросила Эльке Шрепп.

Виланд усмехнулся и ответил:

– Самое прямое, госпожа комиссар полиции! Можно сказать, что мы с супругой бредим императором Сильвио Первым! Она написала ряд работ, в которых анализировала пять лет его кровавого и грабительского правления. О, это было удивительное время! Сильвио обожал роскошь, давал умопомрачительные балы, двор в период его правления отличался фривольными нравами, он выстроил себе три шикарных резиденции, которые признаны шедеврами архитектуры! И коллекционировал драгоценности... Как вам, возможно, известно, он растащил государственную казну, организовал закончившийся полной неудачей военный поход на Венесуэлу и так далее. Замечу, что его помпезная коронация, которая была обставлена в духе римских цезарей и французских императоров, имела место 30 июля 1862 года, в день рождения Сильвио. В государственном этнографическом музее до сих пор можно увидеть в зале раритетов скипетр императора Коста-Бьянки, единственную реликвию, дошедшую до нас из того смутного времени. Когда Сильвио убили, а его режим рухнул, то оказалось, что от многочисленных сокровищ, которыми он владел, не осталось и следа. Они растаяли! А документально известно, что имелась императорская корона, держава, орден Святого Сильвио, выполненные лучшими бельгийскими ювелирами, к тому же масса прочих драгоценностей, бочки с золотом, платиной и серебром – имперская казна, конфискованные у врагов императора и перешедшие в его личную собственность драгоценности. Все это до последнего момента, до того, как высшее военное руководство, понимая, что Сильвио страдает манией величия и его планы начать войну с Венесуэлой ввергнут Коста-Бьянку в хаос, приняло решение ликвидировать его императорское величество, находилось в основной резиденции Сильвио в Эльпараисо. Однако затем город подвергся грабежам, дворец был сожжен, а в его подвалах не обнаружили ни единого следа этих баснословных ценностей. Они исчезли, а вместе с ними и сорок бочек с золотыми монетами, двадцать пять бочек с серебром и семнадцать бочек с платиной – все

это пропало. Императорские знаки власти тоже словно в воздухе растворились: в том числе и малая корона с огромным рубином «Сфинкс», который принадлежал Клеопатре, а потом Наполеону! Только скипетр был найден в 1911 году в тайнике во время капитального ремонта загородного дворца, летней резиденции Сильвио. Все прочее бесследно исчезло и числится пропавшим до сей поры.

Николетта и Эльке внимательно слушали профессора. Бейкер говорил очень убедительно, и, по всей видимости, он разбирался в том, о чем вел речь.

– Стоимость сокровищ Сильвио на данный момент перевалила за несколько сот миллионов долларов, вероятнее всего, даже больше! И эти ценности находятся в неизвестном месте. Предполагается, что Сильвио хотел бежать из столицы и перебраться за границу, дабы там суметь подготовить военное вторжение в Коста-Бьянку. Ему почти удалось покинуть Эльпараисо, однако он был убит, в этом нет сомнений, его тело с пулей в голове было найдено во дворце. Кто именно лишил императора жизни, так и не ясно. Он основательно готовился к бегству, поэтому неудивительно, что хотел прихватить с собой все свое имущество. Чтобы организовать военное вторжение в страну из-за границы, ему требовались колоссальные деньги. Историкам удалось выяснить, что имелись свидетели того, как бочки с золотом и сундуки с драгоценностями грузили в несколько карет, замаскированных под почтовые. Куда потом делись эти кареты – никто так и не мог сказать. Моя жена всегда интересовалась судьбой сокровищ. Ведь они спрятаны где-то до сих пор! С момента свержения власти Сильвио ни один из камней, которые были вставлены в его императорские регалии, не всплыл на рынке, а это непременно произошло бы, если ценности попали в руки грабителей или бунтовщиков. Сокровища увезли в каретах, и с тех пор никто и ничего не знает об их судьбе!

Эльке начала понимать. Неужели этот тип вместе с женой хотят найти золото императора Сильвио?

– Мы посвятили сбору информации и изучению документов почти десять лет. Мы знали, что рано или поздно нападём на след. Драгоценности просто так не могли пропасть, их кто-то спрятал, и они ждут своего часа в укромном месте. Ждут того, чтобы их нашли, уже больше ста тридцати лет! И вот нам повезло. Мы напали на след господина Альваро Мендозы. Он был родным дядькой Каролины, любовницы императора. И, насколько нам удалось установить, Сильвио безгранично доверял Альваро, он знал того еще с детства. Возможно, для вас станет сюрпризом, но Сильвио Асунсьон родом из этих мест, здесь когда-то имелось даже его поместье, которое было сожжено во время гражданской войны, разразившейся в последний год его царствования.

Бейкер остановился на секунду, желая удостовериться, какое впечатление производит на комиссарш его рассказ. Николетта, подложив руку под щеку, внимательно слушала его.

– Так вот, мы были уверены: Альваро, который в момент переворота находился в Эльпараисо – он был советником императора, наверняка получил от того задание вывезти из объётой волнениями столицы ценности и переправить их ближе к границе. Ведь Сильвио намеревался и сам бежать, чтобы за границей собрать силы, организовать армию и вторгнуться в Коста-Бьянку, дабы покарать бунтовщиков и снова установить свой режим. Сильвио надеялся, что монархия в Коста-Бьянке станет потомственной и его на троне сменит сын и наследник Эдгар. И знаете, за что именно отвечал Альваро при дворе Сильвио? За чеканку монет и казну! Так что кто, если не он, мог иметь доступ к сокровищам, которые хранились в подвалах дворца! Нам удалось доказать, что Альваро в спешном порядке покинул Эльпараисо в ночь на 29 мая 1866 года. А следующим утром император был найден мертвым. И наверняка Мендоза увез с собой несколько карет с бочками золота, серебра, платины и сундуки с драгоценностями. Что произошло с ним в последующие месяцы, мы не знаем. Власть перешла в руки республиканской власти, все те, кто верой и правдой служил императору, подверглись гонениям и репрессиям. Альваро засел в Санта-Кларите, своей родине, правильно рассчитав, что перед

судом, на эшафоте и в тюрьмах окажутся те, кто остался в столице, до провинции докатилось только очень слабое эхо репрессий. Поэтому Мендоза затаился, переждал критические недели повальных политических процессов, затем опять случился переворот, президентом стал бывший министр кабинета Сильвио, который даровал всем амнистию. Альваро мог не беспокоиться, ему отныне ничто не угрожало. К тому времени ему было далеко за шестьдесят. Он остался в Санта-Кларите, занялся богоугодными делами, посвятил себя служению церкви.

– И поэтому вы решили разграбить его могилу, думали найти там сокровища императора Сильвио? – спросила Николетта.

Бейкер ответил:

– Не сами сокровища, а ключ к ним. Альваро знал, где лежит имперская казна! Он увлекся ювелирным делом. И что самое удивительное, в его распоряжении были неиссякаемые источники золота, серебра и драгоценных камней. Откуда, спрашивается? Он сделал около двух дюжин церковных предметов, и многие из них украшены камнями, которые были в сокровищнице Сильвио, мы специально перерыли все архивы и нашли этому подтверждение. Старый Мендоза жил в тихом городке, ваял золотую утварь, а сам держал где-то под боком несметные сокровища Сильвио. Как вам известно, Альваро скончался на Пасху 1874 года в почтенном возрасте 73 с половиной лет. Он не оставил завещания, все свои бумаги он сжег за несколько дней до смерти, словно предчувствуя ее приближение. После его смерти осталась только небольшая вилла, в которой мы сейчас и проживаем с женой. Мы изучили в доме каждый сантиметр, там нет тайников или чего-то подобного! Мы исследовали подвал и сад при помощи особых приборов – золота и драгоценностей там нет! Но где же все эти бочки с монетами и сундуки с бриллиантами, жемчугами, рубинами и изумрудами? Альваро был хитрым старым мерзавцем, ему нравились шарады и загадки. В том, что драгоценности хранились где-то рядом, мы уверены: он же занимался ювелирным делом, ему постоянно требовался материал, который он черпал из запасов императора Сильвио. Между свержением Асунсьона и смертью Альваро – интервал почти в восемь лет. И этих восьми лет Альваро хватило, чтобы надежно схоронить сокровища.

– И вы решили их найти, – сказала Николетта.

Бейкер кивнул:

– Ну да, а что, поиски сокровищ запрещены законом? Есть же люди, которые ищут Атлантиду или могилу Александра Македонского, мы с женой посвятили всю свою энергию и знания поискам сокровищ Сильвио. И мы уверены – они находятся в Санта-Кларите или ее окрестностях. Например, в монастыре, ведь Альваро на старости лет из атеиста и безбожника превратился в набожного чудака. Мы исследовали его биографию, собрали все то, что могли узнать о нем. И нас привлекла надпись на его могиле, ведь доподлинно известно, что эту эпитафию он сочинил сам и отдал особые распоряжения своему адвокату, чтобы эти слова были выбиты на его надгробии: «Все свои тайны он унес с собой в могилу». Разве не очевидно? Этот старый хрыч признавался всем, что унес с собой в могилу указатель к сокровищам императора. И эти слова были так нагло начертаны на надгробии, кто бы мог подумать, что их стоит понимать не переносно, а буквально! Сто тридцать лет на это никто не обращал внимания, а, поверьте мне, охотников за наследием Сильвио было всегда предостаточно! Озарение пришло совсем недавно, мне во сне привиделась могила Альваро с надписью, и во сне же я понял, что значит эта странная фраза! Поэтому мы с женой и приняли решение вскрыть его гроб...

– Понимаю, – сказала Николетта. – Но вы убедились – ваше предположение было ложным. У Альваро в гробу нет никаких бумаг или чего-то подобного...

Бейкер проворчал:

– Кто знает, старик мог зашить карту в подкладку сюртука, в котором велел себя похоронить, или нанести, например, на пуговицы тайные знаки. Он ведь был изобретателен, этот

Альваро, пусть дьявол бросит его в котел со смолой! Я прошу вас – осмотрите внимательно гроб! Все равно могила разрыта, у нас есть возможность найти путь к сокровищам Сильвио!

Николетта приняла решение пока задержать Бейкера и его супругу. Она посоветовалась с Эльке Шрепп.

– Рассказ мне кажется заслуживающим доверия, – ответила на ее вопрос, верит ли она Виланду, гамбургская комиссарша. – Похоже, они в самом деле приехали в Санта-Клариту, чтобы напасть на след сокровищ.

– Но если это так, – произнесла Николетта, – то не связаны ли убийства в монастыре и смерть дон Хорхе Фабидо с тем же самым – с золотом императора Сильвио? Ведь почти любой человек, если ему станет известно, где располагается клад стоимостью в миллионы долларов, потеряет рассудок и будет готов пойти на преступления ради права обладания всем этим.

– Монахини могли что-то узнать, они ведь работали в монастырской библиотеке, – рассуждала Шрепп. – Дон Фабидо тоже наверняка интересовался историей с сокровищами Сильвио. Вспомни, Нико, каталог церковных предметов, найденный тобой в келье сестры Фернанды. Крестиком были помечены предметы, сделанные Альваро Мендозой. А похищенная дароносица? Это все звенья одной цепочки!

– Очень может быть, – сказала Кордеро. – Это означает, что кто-то открыл сезон охоты за сокровищами коста-бьянжского императора. Но кто?

Эльке улыбнулась:

– Это и предстоит нам выяснить. Кто может искать золото и драгоценности? Да любой! Не удивлюсь, если это кто-то из монахинь. Или почтенный дон Пруденсио – почему его записка оказалась в фонтане, в котором кто-то утопил несчастную сестру Пилар?

– Или это сделали сами Бейкеры, – предположила Николетта. – Они, застигнутые на месте преступления, около разрытой могилы, не могли запереться, поэтому профессор и рассказал нам часть правды, утаив, к примеру, что до этого он сам или его жена устранили трех конкурентов. Подумай, он сам сказал, что они потратили почти десять лет на поиски сокровищ. И теперь, когда до миллионов Сильвио осталось полшага, возникают конкуренты – монахини или дон Фабидо. Что в таком случае сделает человек, опьяненный миражом золота? Скорее всего решит устранить конкурента любым способом, даже если этот способ – убийство!

Шрепп согласилась. Под подозрением был каждый. Поэтому они приняли решение дожидаться рассвета и детально исследовать вскрытую могилу Альваро Мендозы.

– А что делать, если мы сейчас найдем бочки с золотом? – спросила Эльке.

– Согласно закону Коста-Бьянки, а на территории нашей республики действует так называемое «правило Адриана», половину получает нашедший клад, а половину – тот, кому принадлежит земельный участок, где он был найден.

– А, мне это знакомо, – рассмеялась Эльке. – В Германии в каждой федеральной земле свое положение. В Баварии или Гессене, например, такое же, как и у вас, в Коста-Бьянке, восходящее еще к римскому праву. А в некоторых других землях – ты должен отдать клад государству и рассчитывать на 25 процентов или вообще только на «спасибо» от властей. Поэтому очень часто, если клад находят в федеральной земле с таким вот законодательством, сокровище переправляют в ту же Баварию и заявляют, что нашли его там, чтобы иметь право на половину, а не на четверть его или похвальную грамоту.

Бейкеры были поручены заботам Фелиппе Гарсиа, а вместе с его заместителем Родриго Санчесом Эльке и Николетта отправились на кладбище. Уже рассвело, хотя и было только половина шестого утра. При свете солнца Шрепп только посмеивалась над собственными страхами. А все же жутко было ночью, в особенности когда где-то под боком завывает и стонет Плачущая Долорес.

Они увидели около разрытой могилы нескольких монахинь, которые обнаружили непорядок на вверенном им кладбище. Сестра София, секретарша матери-настоятельницы, призвала всех к порядку:

– Сестры, нечего паниковать, это проделки грабителей! А, вот и полиция, как хорошо!

Толстая сестра Амаранта, боязливо заглянув в яму, бормотала:

– Там только кости, а гроб открыт. И чего он открыт, или старый Альваро вылезает по ночам из могилы? Господи, страсть-то какая! Ух, надо пойти закусить! Сразу полегчает!

Сестра Урсула возбужденно говорила:

– Вот почему ночью Плачущая Долорес так разошлась, я очень плохо спала, призрак не давал покоя!

– Точно, – сказала боязливая сестра Миранда, которая пряталась за спиной крошечной Урсулы. – Сестра, прошу вас, не подходите к могиле!

– Глупости! – отрезала сестра Лукреция. – Возможно, кто-то намеренно завывал на кладбище, чтобы сюда никто не рискнул ночью идти, а сам копал могилу. И зачем им только понадобилось тревожить кости старого Мендозы?

– Им? – переспросила Николетта. – Сестра Лукреция, откуда вы знаете, что грабителей было несколько, а не один?

Лукреция на секунду закашлялась, ее востроносое личико исказилось, затем она помахала тонкой ручкой в сторону могилы:

– Ну там же две лопаты, значит, и грабителей было как минимум двое. Не так ли, госпожа комиссар?

Она уставилась на Кордеро хитрыми узкими глазками. Тем временем к могиле спешила аббатиса Августина. Она быстрым шагом направлялась к соборному монахищу, ее одежды развевались на ветру.

– Сестры! – сказала она гневно. – Что это значит? Вы обязаны присутствовать на утренней молитве, а затем, как обычно, на распределении дневных обязанностей. Если некий грешник и совершил святотатство и разрыл могилу, то это дело полиции, которая, как я вижу, уже на месте. Следуйте за мной немедленно!

Монахини гуськом пошли за Августиной. Сестра София заметила, обращаясь к Николетте:

– Прошу вас, постарайтесь побыстрее сделать все, что вам необходимо. Как вы думаете, могилу потом можно будет зарыть?

– Разумеется, – успокоила ее Кордеро. – Но нам понадобится минут сорок, чтобы снять... снять отпечатки пальцев и сделать фотографии следов.

Секретарша аббатисы, кивнув, тоже удалилась. Родриго Санчес присвистнул, всматриваясь во внутренности могилы:

– Ну надо же, как они постарались. И что будем делать?

– Искать то, о чем не имеем представления, – сказала, спускаясь в могилу, Николетта. Она склонилась над скелетом Альваро Мендозы. Кости сохранились на удивление хорошо, одежда же почти вся истлела. Она осторожно приподняла подушечку, на которой покоился череп. Ничего под ней не было.

Николетта остановилась около пирамидки-надгробия. Странные слова, которые побудили Бейкеров разрыть могилу. Но если они правы и Альваро в самом деле спрятал где-то в Санта-Кларите сокровища императора Сильвио Первого, то где?

Шрепп посмотрела на монастырь. Где-то там, в просторных подвалах? Или зарыл в джунглях? Или вообще переправил за рубеж?

– Ничего нет, – сказала несколько огорченно Николетта, которая при помощи Родриго перевернула скелет. – Никаких бумаг, и в остатках одежды тоже нет ничего, и даже пуговицы совершенно обычные, гладкие и стеклянные.

Родриго простучал гроб и пояснил:

– Может, что-то спрятано в простенках. Но, судя по всему, гроб цельный, никаких пустот нет. Значит, неудача?

Шрепп присела перед пирамидкой, читая в который раз эпитафию. Что-то привлекло ее внимание. Так и есть, она была уверена, что над словами идет тонкая, практически незаметная линия. Она позвала Николетту. Та всмотрелась и сказала:

– Ты права, надгробие сделано из камня, но, похоже, не из одной глыбы.

Родриго протянул складной нож, Эльке соскоблила зеленоватый налет мха и плесени, затем попыталась вогнать лезвие в трещину. Верхняя треть пирамиды сдвинулась с места на несколько миллиметров.

– Вот это да! – сказала Нико Кордеро. – А надгробие-то на самом деле – пустышка. Ну-ка, Родриго, помоги сдвинуть!

Общими усилиями они сняли остроконечную верхушку надгробия. Пирамидка была на самом деле пустотелой. Внутри, в небольшой камере, лежала металлическая шкатулка.

– Вот оно что, – произнесла Эльке. – Старый Мендоза был до чертиков изобретателен! Он спрятал нечто не в гробу, а в надгробии! И никто бы никогда и не догадался.

– Если бы ты не увидела стык, то мы бы так и ушли, ничего не добившись, – сказала Николетта. Она осторожно вынула покрытую паутиной и пылью шкатулку. – Нет ли в пирамидке еще секретов?

Однако, судя по всему, больше в надгробии секретов не было. Они водрузили верхушку на место, Николетта попыталась открыть шкатулку. Безрезультатно.

– Заперта, – Кордеро потрясла шкатулку, и Эльке услышала, как внутри что-то зашуршало.

– Похоже на бумаги, – сказала Нико. – Ну что же, Родриго, теперь можешь приступать к процессу заполнения могилы землей, то есть попросту зарыть ее!

– Но госпожа комиссар! – взмолился тот. – Мне так интересно знать, что же там в шкатулке. Неужели карта, ведущая к кладу? Боже, говорят, что у императора Сильвио было десять тонн золота!

– Двадцать, – прервала его Николетта. – Но ты работай, Родриго. Когда все сделаешь, приходи в участок, там и узнаешь, что же в шкатулке!

На выходе с кладбища их атаковал Кай Анадино. Журналист закричал:

– Я все видел! Вы нашли шкатулку в надгробии! Это же станет сенсацией! А правда, судачат, что вы напали на след сокровищ императора Сильвио Асунсьона? Эльке, вы обязаны держать меня в курсе дела!

– Господин журналист, – сказала Николетта. – Прошу вас держаться подальше от меня. Я все еще хорошо помню, что вы написали обо мне и моей якобы личной жизни.

– Но если бы не я, то вы бы вообще ничего не нашли, – обиделся Кай. – Николетта, это несправедливо!

Кордеро отчеканила:

– Для вас я – госпожа комиссар Кордеро, запомните это, господин журналист! За вашу помощь объявляю вам особую благодарность. А теперь – марш отсюда! Еще раз попадетесь мне на глаза – арестую за милую душу!

– Так всегда, – вздохнул с притворной обидой журналист. – Работаешь, добываешь сенсацию, а ее плодами пользуются другие.

Комиссарши направились в участок. Виланд Бейкер, узнав, что те нашли в надгробии шкатулку, чуть не упал в обморок.

– Значит, он на самом деле спрятал у себя в могиле указатель к сокровищам, – твердил он. – Только одним глазком дайте взглянуть, я же вам помог, все вам рассказал, без меня вы бы ничего не нашли!

– Нет уж, господин профессор, – произнесла сурово Николетта. – Продолжайте сидеть в «обезьяннике». Думается мне, вам и вашей супруге там самое место!

Нико и Эльке прошли в кабинет комиссара. К ним присоединился Фелиппе Гарсиа. Кордеро потребовала у него плоскогубцы и отвертку, получив желаемое, она в два счета открыла шкатулку и распахнула крышку. В шкатулке лежало несколько пожелтевших листов бумаги. Николетта взяла один из них, развернула. Эльке заметила витиеватые буквы, выведенные бледными чернилами.

– Завещание императора Сильвио Первого из династии Асунсьон, – прочитала Николетта. – Датировано 28 мая 1866 года.

«Я, законный властитель Коста-Бьянки, император божьей милостью Сильвио Первый, в дни лишений и грядущих потрясений оставляю свою последнюю волю. В случае моей смерти моим наследником становится сын мой Эдгар, будущий император Эдгар Первый. По причине юного возраста моего сына регентшей до его совершеннолетия назначается моя жена, императрица Изольда. Все свое имущество, как движимое, так и недвижимое, я завещаю также своему сыну Эдгару и его потомкам. Да смилостивится над нами Господь.

Rex et Imperator Сильвио».

– Завещание императора, – проговорила Эльке. – Надо же, наверняка эта бумага имеет историческую ценность. Но что же еще находится в шкатулке?

Николетта вынула еще несколько листов, бросила взгляд на последний:

– Подписано Альваро Мендозой. Ну у него и почерк, чрезвычайно корявый, прямо как у врача! И что он хотел нам сказать?

«Письмо потомкам. Тот, кто прочитает это письмо, должен был разгадать мою шараду. В надгробии своей могилы я спрятал шкатулку, в которой находится завещание императора Сильвио Асунсьона, а также описание того, как можно найти его сокровища...»

Эльке вскричала:

– Значит, мы на верном пути!

Николетта продолжила чтение.

«Волей судеб в моих руках оказалась казна империи, которую сам император велел мне беречь. Я не считаю, что кто-то, кроме покойного Сильвио, вправе распоряжаться этими ценностями. Нынешнее республиканское правительство истратит эти деньги на ненужные цели, оно не имеет никаких на них претензий. Согласно завещанию, которое оставил несчастный император, правами на золото, серебро, платину и драгоценности, в том числе драгоценности короны, обладают его жена Изольда и сын Эдгар. Я не знаю, что произошло с императрицей, а вот его сын, малолетний Эдгар, был вверен моим заботам и опеке. Как это случилось, теперь неважно...»

– Как интересно, – прервала чтение Кордеро. – Получается, что сын императора был вверен воспитанию Альваро? Но ведь о том, что у Мендозы был воспитанник, нам ничего не известно. Он жил уединенно, в полном затворничестве. Куда в таком случае делся этот самый Эдгар?

Вопрос разъяснился сам собой, когда Николетта прочла следующие строки послания Альваро Мендозы.

«Я сам не в состоянии воспитать отпрыска императора, поэтому поручил его заботам моих надежных друзей, которые и займутся образованием мальчика. Но я не верю в то, что когда-то династия Асунсьон будет восстановлена в правах на императорский престол, поэтому я решил, что Эдгар никогда не узнает правды. Ему всего два года, поэтому он ничего не помнит из своей прежней жизни во дворце. Остались сокровища... Но принесут ли они ему счастье? Поэтому я решил надежно спрятать их. Я имею право на это, так как Эдгар является сыном моей племянницы Каролины и императора Сильвио. Это – самая надежно охраняемая тайна империи, которой уже нет. Каролина! Где она сейчас, я не могу знать. Однако у нее

была удивительная судьба, и если бы не эта женщина, то не было бы ни императора Сильвио и ни его империи. Она единственная, по моему мнению, имеет право на сокровища Сильвио. Поэтому я и оставляю их в тайнике в надежде на то, что Каролина рано или поздно вернется. И, оказавшись на моей могиле и прочитав эпитафию, поймет, что ключ к сокровищам спрятан в надгробии. Она умная девочка...»

– Кто эта самая Каролина? – спросила Эльке у Николетты.

Та помотала головой и ответила:

– Понятия не имею, но, судя по письму Альваро, она была его племянницей. И, оказывается, матерью маленького принца. Хотя у императора была законная жена, некая Изольда. И почему так получилось?

Она взяла последний лист и дочитала послание старого ученого: «Сокровища, как я сказал, находятся в надежном месте, причем в таком, которое утаит их от охотников за золотом Сильвио надежно и навечно. Я тщательно все продумал и все же оставляю потомкам возможность отыскать то, что доверил мне Сильвио Первый. Путь к сокровищам я указал на четырех предметах, которые были изготовлены мной – дароносице, ларце, чаше и распятии. Все эти предметы находятся в монастыре Непорочного Зачатия. Тот, кто обладает воображением и смекалкой, сможет, используя подсказки, находящиеся в этих предметах, найти путь к сокровищам. И надеюсь, что этим кем-то будет моя Каролина! Она, покидая меня во время смуты, обещала, что обязательно вернется. Но прошло уже почти восемь лет, и до сих пор я не получил от нее вестей. Но я жду и надеюсь... Я выполнил ту миссию, которую возложил на меня покойный властитель Коста-Бьянки. Подписано: Альваро Мендоза, 1 января 1874 года».

– Вот он, ключ к сокровищам, – сказал потрясенный Фелиппе. Эльке заметила, что письмо изобретателя Мендозы оказало на него неизгладимое впечатление. Собственно, почему? Или молодой комиссар тоже бредит сокровищами императора?

– Ну да, – протянула Николетта, откладывая в сторону послание из прошлого. – Только здесь нет прямого указания, где они спрятаны. Вообще-то Альваро мог оставить и карту, где он зарыл все эти бочки и сундуки. А вместо этого – «ищи в четырех предметах»!

Подумав, она добавила:

– Но тогда становится абсолютно ясно, из-за чего были совершены преступления – убийства двух монахинь и, вероятно, убийство донна Фабино. В келье сестры Фернанды я нашла каталог с церковными ценностями, в которых четыре предмета были отмечены крестиком – дароносица, которую украли, ларец, чаша и распятие. Значит ли это, что убийца или убийцы идут по следам Альваро, надеясь отыскать сокровища императора Сильвио?

– Но каким образом они могли узнать, где надо искать ключ к сокровищам? – вставила Эльке. – Ведь до последнего часа шкатулка с письмом Альваро хранилась в его надгробии.

Николетта ответила:

– Это и нужно спросить у убийцы. Но не надо забывать – монахини были библиотекарями, возможно, они нашли какой-то документ, оставленный Альваро или еще кем-то. И этот самый местный историк, дон Фабино... В его доме тоже было полно всяких раритетных рукописей.

Фелиппе сказал:

– Это так и могло быть! Монахини получили указание на то, где надо искать ключ к сокровищам, и обратились к дону Хорхе. Я немного знал старика, он был всегда готов помочь! А затем некто...

– А затем некто избавился от свидетелей и конкурентов, – завершила его мысль Николетта. – Что ж, так и могло быть. Получается, что этот неизвестный убийца пойдет на все, лишь бы завладеть сокровищами Сильвио.

– Я бы тоже не отказался от них, – произнес Фелиппе. – Сокровища императора – это своего рода местная байка. Все знают, что они якобы спрятаны где-то в Санта-Кларите, но никто этому не верит. Это такой же атрибут фольклора, как и Плачущая Долорес.

– И кем была эта самая Каролина, о которой в столь восторженных тонах пишет ее дядя Альваро? – произнесла Эльке Шрепп.

– О, этого мы никогда не узнаем, – уверенно заявил Фелиппе. – И что нам теперь делать, броситься на поиски сокровищ? Представляете себе, это же несметные богатства!

– Из-за которых льется кровь, – пробормотала Николетта. – Того, кто охотится за бочками с золотом, нужно остановить как можно быстрее. Этот человек находится в Санта-Кларите, я абсолютно уверена в этом. Он затаился и ждет! Ну что же, нам надо спровоцировать его. О том, что найдено письмо Альваро, должен узнать весь город.

– И все же, – повторил вслед за Эльке Фелиппе. – Кто была эта самая Каролина? И что связывало ее с Сильвио? И почему именно она была матерью маленького принца Эдгара? Тайна, с которой нас разделяет более ста пятидесяти лет. Но вы правы, комиссар, мы никогда не сможем узнать этого. Поэтому примемся за работу! Итак, нам нужно поймать авантюриста, который охотится за сокровищами и ради них убил уже трех человек. И, клянусь вам, мы это сделаем!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.